

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяц. . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяц. . 6 р. —

на 6 мѣсяц. . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32 а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Масунина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Важный вопросъ для Сибирскаго крестьянства. — Податные платежи въ Сибири. — Хроника. — Корреспонденціи: съ Кобы, Дурбедджина, съ Западно-Китайской границы, изъ Тобольска, Енисейска, Красноярска, Хабаровки и Казалинска. — Жизнь и труды А. П. Щапова. Н. Ядренцева. — Замѣтка объ Амурскомъ дѣлѣ по поводу статьи А. И. Заборянскаго. Д. П. Замалинина. — Сенаторская ревизія (очеркъ изъ туркестанской жизни). В. С. — Городская жизнь (изъ записной книжки туркестанскаго туриста). Стихотвореніе. В. С. — Хроника жизни за недѣлю. — Библиографія: Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка. — Объявленія.

ВАЖНЫЙ ВОПРОСЪ ДЛЯ СИБИРСКАГО КРЕСТЬЯН-СТВА.

Мы получили свѣдѣніе, что въ министерствѣ финансовъ разсматривается вопросъ о податной реформѣ въ Сибири. Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ для большинства податнаго населенія этого края. Принимая во вниманіе, что съ нимъ связаны интересы и благосостояніе крестьянства, облегченіе тягостей, лежащихъ на немъ, онъ важнѣе другихъ второстепенныхъ вопросовъ, которые затрогиваемъ мы, журналисты. Къ сожалѣнію, о податной системѣ въ Сибири, ея тягостяхъ, способахъ разложенія въ мѣстныхъ обществахъ и о связи податныхъ налоговъ съ другими повинностями, а также о пропорціональномъ отношеніи ихъ между собою мы весьма мало знаемъ.

Изъ таблицы и отчета, опубликованныхъ на-дняхъ*), мы видимъ, что министерству финансовъ извѣстны лишь число окладныхъ душъ въ Сибири, платежъ въ казну, причитающійся на душу, и недоимки съ души. Цифры эти мы приводимъ ниже, для того, чтобы мѣстные жители и знатоки крестьянскаго вопроса въ Сибири могли принять эти данныя къ свѣдѣнію, комментировать и пополнить ихъ своими замѣчаніями. Весьма важно, для правильнаго пониманія дѣла, знать, что показывается въ канцелярскихъ отчетахъ и какъ съ этимъ сходится то, что выражается въ жизни.

Затѣмъ, сравнивая податныя таблицы по губерніямъ Европейской Россіи и Сибири, мы находимъ слѣдующую разницу. Въ-первыхъ, рядомъ съ подушнымъ окладомъ есть графа, которая остается для Сибири пробѣломъ. Въ російскихъ губерніяхъ указанъ средний надѣлъ земли на душу и платежи, причитающіеся на десятину. Въ Сибири такой расчетъ невозможенъ за недостаткомъ данныхъ по землепользованію. Является вопросъ: можетъ ли быть здѣсь высчитанъ этотъ

платежъ на землю въ виду переложенія подушной подати? Сколько мы знаемъ, безъ разрѣшенія поземельнаго вопроса и окончательнаго надѣла землей государственныхъ крестьянъ Сибири, это весьма затруднительно. Мѣстными же административными соображеніями даже и приблизительно этотъ вопросъ въ сибирскихъ канцеляріяхъ разрѣшенъ быть не можетъ. Въ Сибири не было ни изслѣдованій надъ хозяйствомъ, ни оцѣнки земли, ни кадастра; самое количество пользованія землею въ крестьянскихъ обществахъ не приведено въ извѣстность.

Но если вопросъ поземельный не можетъ быть разрѣшенъ безъ указанныхъ подготовительныхъ работъ, то желательно было бы собрать и получить свѣдѣнія о способахъ разложенія податей на членовъ крестьянской общины и соразмѣрномъ владѣніи ихъ землею въ различныхъ крестьянскихъ обществахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ отражается нынѣ подушная система на поземельномъ пользованіи, и въ какомъ направленіи могла бы быть улучшена податная система.

Если надѣлъ землею въ Сибири еще можетъ считаться преждевременною реформою, о чемъ не разъ уже заявлялось, если его невозможно сразу совершить, — то, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что нынѣшнее подушное обложеніе страдаетъ многими недостатками и ложится несоразмѣрно. Это доказывается повсемѣстными жалобами крестьянъ: имъ приходится платить не за дѣйствительныя души, а за фиктивныя ревизенія, причѣмъ одни платятъ за мертвыхъ и убылыхъ, а у другихъ крестьянъ взрослые производительныя силы пользуются льготою. Подушная подать не принимаетъ во вниманіе состоятельныхъ лицъ и пользующихся большимъ количествомъ земли; неравномѣрность эту крестьянскія общества поправляютъ нынѣ внутреннею раскладкою, и въ этомъ выражается одна изъ своеобразныхъ сторонъ общинной жизни. Въ Сибири, при отсутствіи передѣловъ земли, общинная связь въ этомъ только и заключается. Между тѣмъ, круговая порука, какъ извѣстно, также имѣетъ свои тяжести для нѣкоторыхъ членовъ. Разобрать эти условія и представить дѣйствительную картину крестьянской жизни въ высшей степени важно.

*) Статистическія данныя по прямымъ налогамъ. Изд. Департ. Окладн. Сборовъ. С.-Петербург., 1883 г.

Любопытно взглянуть и изслѣдовать, какъ крестьянство уравнивается само въ различныхъ мѣстахъ раскладку, какъ оно облагаетъ своихъ членовъ. Такія свѣдѣнія въ Россіи дали поучительные примѣры по изслѣдованіямъ Трирогова. Еще болѣе любопытные выводы они могутъ дать въ Сибири. Матеріалъ этотъ и долженъ служить для разрѣшенія податного вопроса.

Весьма важно также знать способы примѣненія и взысканія какъ податей, такъ и недоимокъ въ Сибири, для сравненія съ принятыми способами въ Европейской Россіи. Мы не будемъ дѣлать ни преждевременныхъ выводовъ, ни указаній для разрѣшенія этого вопроса. Можемъ только думать, что едва ли разрѣшеніе его, безъ введенія въ Сибирь земства, будетъ мыслимо. Даже собраніе достовѣрныхъ свѣдѣній для правительства, безъ помощи этого земства и земскихъ комиссій, будетъ невозможно.

Пока мы обращаемся къ нашимъ корреспондентамъ и знающимъ лицамъ, приглашая ихъ откликнуться и дать намъ свои соображенія и мнѣнія по этому вопросу, для чего и открываемъ столбцы своей газеты. Позволимъ себѣ также указать на ту же текущую задачу и мѣстнымъ органамъ сибирской печати. Если въ настоящую минуту и не можетъ быть достигнуто разрѣшеніе этого вопроса, то такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ, могутъ быть указаны приемы его разрѣшенія, а также тѣ мѣры, какія могутъ быть приняты къ облегченію крестьянскихъ податныхъ тягостей при существующихъ условіяхъ.

ПОДАТНЫЕ ПЛАТЕЖИ ВЪ СИБИРИ.

Иркутская губернія.	Число окладныхъ душъ.	Платежи въваану. на душу		Недоимки по 1 янв. 1882 г.	
		Причт. на душу.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Крестьяне б. государственные	75,641	4 16	1 10		
Сельско-поселенцы	14,861	2 48	11 42		
Иностранцы осѣдлые	3,616	4 09	— 20		
» кочующіе и бродячіе	52,517	— 51	— 02		
	146,635				
Енисейская губернія.					
Крестьяне б. государственные	93,959	3 98	1 96		
Сельско-поселенцы	21,606	2 61	8 65		
Иностранцы осѣдлые	1,608	4 09	— —		
» кочующіе	6,798	— 36	— —		
	123,971				
Забайкальская область.					
Крестьяне б. государственные	49,596	3 53	1 —		
Казачи	33,006	— 43	— 09		
Сельско-поселенцы	4,520	2 74	20 41		
Иностранцы осѣдлые	3,055	1 40	3 01		
» кочевые и бродячіе	61,62	— 52	— 01		
	151,799				
Якутская область.					
Крестьяне б. государственные, платящіе оброчную подать	2,467	4 14	4 80		
Сельско-поселенцы	1,441	2 62	9 04		
Кочевые и бродячіе иностранцы	107,335	— 38	— 19		
	111,243 д.				
Тобольская губернія.					
Крестьяне б. государственные, платящіе оброчную подать	411,198	6 68	3 39		
Крестьяне б. помѣщичьи	207	1 54	25 31		
Сельско-поселенцы	2,471	4 44	62 56		
Осѣдлые иностранцы	{ 16,318	1 37	4 79		
	{ 642	— 39	7 37		
Бухарцы, платящіе оброчную подать	49	5 82	23 47		
» полные собственники	1,685	3 78	9 37		
Кочующіе и бродячіе иностранцы	1,423	— 11	— 04		
	433,993				

Томская губернія.

Крестьяне б. государственные	83,831	5 14	3 38
Крестьяне б. заводскіе	193,314	3 20	— 30
Сельско-поселенцы	99	4 27	11½ 99
Иностранцы осѣдлые	9,869	1 59	— —
» кочующіе и бродячіе	7,139	— 32	— —
	дымовъ.		
Бухарцы	55	4 28	— —
	294,252		
	дымовъ.		
	55		

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, указанія средняго надѣла на душу нѣтъ, нѣтъ также и того, сколько платежей причитается на десятину.

ХРОНИКА.

Въ петербургскихъ газетахъ иногда неожиданно выплываютъ сибирскіе вопросы, хотя и не тѣ, какіе заслуживаютъ вниманія. Г. Туровскій знакомитъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» съ промысломъ хищническаго золота, стараясь придать ему особое значеніе:

«Лишь только наступитъ лѣто, пора, когда добыча золота находится въ самомъ разгарѣ, вокругъ золотыхъ приисковъ, особенно же тѣхъ, гдѣ золота добывается достаточно и заработки рабочаго малы, появляются цѣлыя шайки скупщиковъ золота и начинается хищническая торговля. Ночью, въ лѣсу, на близъ лежащей горѣ, появляется огонекъ—это сигналъ, чтобы рабочіе выходили въ то мѣсто съ золотомъ. Они, дѣйствительно, выходятъ туда, сдаютъ золото, получаютъ за него спиртъ и все имъ нужное и возвращаются на приискъ. Сцена заканчивается общей попойкой въ рабочей казармѣ. Знатки дѣла говорятъ, что въ Сибири, по крайней мѣрѣ, на десять милліоновъ рублей крадутъ ежегодно золота. Какъ ни громадна эта цифра, но если бы этимъ только ограничивалось все дѣло, то тутъ теряла бы одна только золотопромышленность, тогда-какъ отъ хищничества золота деморализируется вся Сибирь и даже Россія. Дѣло въ томъ, что скупъ краденаго золота сформировался въ стройную, колоссальную разбойническо-мошенническую систему.»

Далѣе, авторомъ описывается подробно вся организація промысла: воровство, скупъ изъ первыхъ рукъ, изъ вторыхъ и т. д. О вывозѣ тайнаго золота говорится:

«Прежде было два пути для этого: черезъ Ковно, разумѣется посредствомъ евреевъ, на границу и черезъ нижегородскую ярмарку по всей Россіи; раньше же еще Макарія былъ третій—ирбитская ярмарка. Но въ Ирбитѣ у одного енисейскаго купца полиція конфисковала 4 пуда краденаго золота и когда на нижегородской ярмаркѣ нѣсколько разъ случалось такъ, что купили большія партіи хищническаго золота и не заплатили за нихъ, то въ Ирбитѣ перестали возить, а на нижегородскую ярмарку лишь изрѣдка и то небольшими количествами. Масса же краденаго сибирскаго золота потекла въ Пруссію. Впрочемъ, въ послѣдніе два-три года, для воровскаго золота открылись два новые рынка: Одесса и Кяхта. Въ первую, благодаря должно быть непрерывному рельсовому пути отъ Нижняго, везутъ одни только евреи золото для промѣна тамъ на необандероленный табакъ и другіе контрабандные товары. Въ Кяхтѣ же золото обмѣниваютъ на чай, который, само собой разумѣется, привозится всегда помимо иркутской таможни. На сколько спокойно, открыто и безопасно совершаются всѣ операціи съ краденымъ золотомъ въ сибирскихъ золотопромышленныхъ центрахъ, настолько провозъ похищеннаго металла изъ центровъ дальше сопряженъ съ тайной и рискомъ. Везутъ обыкновенно на почтовыхъ такіе люди, на которыхъ всего менѣе можетъ пасть подозрѣніе: какойнибудь акцизный чиновникъ, модная дама, ктонибудь другой въ этомъ родѣ.»

При очеркѣ такой огромной и искусной организаціи, читатель невольно задаетъ вопросъ: что же тутъ подѣлаешь? Дѣйствительно, скупъ тайнаго золота, практикуемый десятки лѣтъ, неуслѣдимъ, а если и открывали провозъ золота въ Сибири, то металлъ этотъ все-таки куда-то исчезалъ. Жандармскій надзоръ въ Сибири, хотя и не по

прямой своей обязанности, принимался слѣдить за этой торговлей золотомъ: что этотъ надзоръ находилъ золото, доказательствомъ служить то, что онъ получалъ съ золотопромышленниковъ по 1 р. съ рабочаго; но какое это было золото: «тайное» или «явное» — мы не знаемъ.

Дѣло въ томъ, какъ говорятъ люди опытные и практикы, что похищеніе золота прекратить невозможно. Рабочій, при нынѣшней платѣ 2 р. за золотникъ, предпочтетъ нести его въ другія руки, напримеръ, китайцамъ на Амурѣ, гдѣ можетъ продать за 4 р. 50 к. Золото будетъ течь туда, гдѣ дороже даютъ. Прекратится это только съ свободою золотого промысла и съ свободной продажей золота въ частныя руки, какъ въ Калифорніи. Это будетъ зависѣть отъ измѣненія самыхъ возрѣвій на золотое дѣло и всей его организаціи.

Не лишено правды и слѣдующее примѣчаніе одной петербургской газеты, дѣлающей выписку изъ статьи г. Туровскаго: «Но не будь выгоды красть его рабочимъ, для чего прежде всего необходимо, чтобы положеніе промыслового люда было улучшено, не было бы и этого преступнаго промысла».

Въ концѣ-концовъ выходитъ, что вопросъ не въ похищеніи и провозѣ золота за границу, что есть послѣдствіе системы и ненормальныхъ условій рабочаго, а въ самой системѣ разработки, въ золотопромышленныхъ привилегіяхъ и въ положеніи рабочаго, на что указывали не разъ какъ наши статьи, такъ и статьи другихъ сибирскихъ газетъ.

Въ примѣръ того, до какой степени нарушаются въ Сибири права частной поземельной собственности, приводимъ слѣдующее вопиющее объявленіе, напечатанное въ «Томскихъ Губ. Вѣд.»: «Несмотря на то, что въ «Томскихъ Губ. Вѣд.» 1878 года, въ №№ 22, 23 и 24, и 1879 г. въ №№ 19, 20 и 21, я объявлялъ, чтобы никто безъ позволенія моего не въѣзжалъ, для гулянокъ и охоты (при чемъ ломаютъ и жгутъ лѣсъ и вытаптываютъ лошадыми траву) въ мои дачи, и въ объявленіи 1878 года указалъ тѣ взысканія, которыя по закону должны быть за это дѣлаемы,—многіе изъ жителей Томска, безъ всякихъ съ моей стороны дозволеній, въѣзжаютъ, для своихъ гулянокъ, въ мою дачу на Ушайкѣ, называемую «Толстый Мысъ». Въѣздъ этотъ, нарушающій права чужой собственности, дѣлается настолько нахально, что когда мой лѣсной сторожъ обращается къ подобнымъ людямъ о томъ, что безъ письменнаго моего заявленія онъ не можетъ никому позволить гулять въ моей дачѣ, то они, надѣясь на свою численность и силу, а иногда и званіе, встрѣчаютъ заявленія насмѣшками, а часто и ругательствами и остаются спокойно на мѣстѣ, разводя огни и вытаптывая лошадыми траву, какъ будто бы дача моя составляла ихъ собственность. Принявъ къ преслѣдованію этого строгаго мѣры, я считаю нужнымъ заявить объ этомъ всѣмъ, желающимъ и нарушать права моей собственности и предвараю ихъ, чтобы они не были въ претензіи, если усиленный мною, вслѣдствіе всего означеннаго выше, караулъ, несмотря на званіе, представитъ ихъ, или только захваченныхъ у нихъ лошадей, въ полицію.»

Подписано: землевладѣлецъ такой-то. Хорошо, что въ Сибири не очень много землевладѣльцевъ, а то бы они завалили газеты объявленіями, полиція были бы запружены народомъ, а конюшни — захваченными лошадыми. Думать это даетъ то основаніе, что граждане здѣсь большіе охотники до «гулянокъ», а препятствій имъ, при сибирской широтѣ и привольи, доселѣ къ этому не поставлялось.

Въ «Владивостокѣ» пишутъ:—На далекомъ сѣверѣ, въ Петропавловскѣ, въ Камчаткѣ, недавно открыта бібліотека, что доказываетъ потребность въ чтеніи у мѣстныхъ жителей; между тѣмъ, бѣдность, а также отдаленность края лишаютъ возможности удовлетворять эту потребность. Желая помочь петропавловскимъ жителямъ, редакція «Владивостока» обращается съ просьбой ко всѣмъ—жертвовать книги и журналы, присылая ихъ въ редакцію, для отправки въ означенную бібліотеку.

Въ Иркутскѣ, какъ насъ извѣщаютъ, скончался извѣстный миллионеръ И. И. Базановъ. Онъ, подобно г. Хамини, имѣлъ обширныя дѣла по приискамъ и нажилъ состояніе въ нѣсколько миллионѣвъ. Дочь его была выдана за члена совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, что облегчало много его дѣловыя отношенія къ мѣстной

администраціи. Хотя общественною дѣятельностью и даже благотвореніями покойный не отличался по исторіи жизни подобныхъ лицъ, по вліянію и значенію ихъ, заслуживаетъ собранія біографическихъ свѣдѣній, для освѣщенія типа лицъ и дѣятелей, которыхъ рождаетъ общество.

Въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе», въ № 13, было напечатано изъ Томска, что время проводится тамъ отлично, благодаря стуколѣ и «генералу», и что въ выигрѣшѣ только нѣкоторые винокуренныя заводчики, выкуривающіе втихомолку спиртъ.

Надзиратель 5-го акцизнаго округа, надворный совѣтникъ Рыкачевъ, почелъ необходимымъ увѣдомить насъ при бумагѣ за № 113, что «стоя во главѣ Томскаго акцизнаго округа, онъ считаетъ долгомъ довести, что все напечатанное о безъ акцизнаго винокуренія принадлежитъ къ области вымысла. «Стоящій во главѣ акцизнаго округа» указываетъ, что округъ ревизованъ ревизоромъ губернскаго акцизнаго управленія, заводы осматривались и другими чинами, и при всѣхъ ревизіяхъ не обнаружено и тѣни къ какому либо злоупотребленію. Взаключеніе, «стоящій во главѣ акцизнаго округа» думаетъ и считаетъ въ правѣ высказать желаніе, чтобы корреспонденціи содержали въ себѣ фактическія данныя. Давая мѣсто сему письму, охотно и мы присоединяемся къ этому желанію, хотя должны сказать, что эти фактическія данныя—охъ, поди, какъ трудно добывать!»

Въ одномъ изъ сибирскихъ интендантскихъ вещевыхъ складовъ, при торопливой передачѣ военной амуниціи и обуви, произошла ошибка. Передано было въ мѣстный батальонъ лишняго сапожнаго товара 2,000 паръ и 1,000 подошвъ. Передавшій чиновникъ засуетился, обратился къ военному получателю, но тотъ не нашелъ передачи, а увѣрялъ, что въ его цейхаузѣ лишняго ничего не можетъ быть. Послѣ учетовъ и настояній, говорятъ, онъ долженъ былъ возвратитъ часть переданнаго, но 1,000 подошвъ и 2,000 паръ, на 390 р., такъ и не отыскалось. Потерпѣлъ, однако, не тотъ, который утратилъ лишній товаръ, а тотъ, кто ошибся. Бѣдный отставленный чиновникъ остался въ недоумѣніи, за что онъ уволенъ. По мѣстному возрѣвію резюмируется, однако, это легко: «Не вводи во искушеніе!»

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано:—Признавая полезнымъ, въ интересахъ мѣстнаго управленія, имѣть подъ руками печатный органъ, въ которомъ бы наиболѣе всесторонне выражалась административная и общественная жизнь степнаго края, г. степной генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Колнаковскій, намѣренъ оказать содѣйствіе расширенію издающихся въ г. Омскѣ «Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостей». Принимая во вниманіе, что возможность такого расширенія обуславливается, прежде всего, доступностью того матеріала, который можетъ быть отпечатанъ въ проектируемомъ органѣ, а затѣмъ и наличностью, въ составѣ редакціи, возможно большаго числа литературныхъ силъ, генералъ Колнаковскій обратился къ гг. губернаторамъ и другимъ лицамъ съ просьбою: 1) пригласить въ составъ редакціи такихъ лицъ, которыя могутъ быть полезны доставленіемъ ей свѣдѣній географическихъ, историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ, экономическихъ, статистическихъ и проч., и 2) сообщить редактору ихъ, г. Козлову, секретарю акмолинскаго статистическаго комитета, тѣ матеріалы и свѣдѣнія, которые могли бы быть достояніемъ печати.

«Новое Время» помѣстило слѣдующую бібліографическую новость: «Г. Жолкѣвскій перевелъ на англійскій языкъ съ польскаго «Сибирскія картины» Нѣмойовскаго въ двухъ томахъ. Лондонскій «The Athenaeum» съ похвалою отзывается объ этихъ путевыхъ запискахъ, находя, что имъ чуждо то пристрастіе, съ какимъ написаны многія изъ существующихъ описаній Сибири. Авторъ мало говоритъ о себѣ и о пережитыхъ имъ невзгодахъ. Первая часть его описанія почти всецѣло посвящена разсказу о дикихъ обитателяхъ Сѣверной Сибири. Каждая изъ народностей описана особо. Тунгусъ отличается любовью къ дѣтямъ, которая въ немъ сильнѣе даже его необычайной страсти къ чаю и табаку. Очень трогательная исторія разсказана о старомъ тунгусѣ, всѣмъ пожертвовавшемъ, лишь бы жить вблизи съ своей дочерью, которая вышла замужъ за русскаго поселенца и третируетъ своего отца съ холоднымъ презрѣніемъ, несмотря на всѣ его заиски-

ванія и подарки. Полной притивоположностью является отец-гилакъ, хладнокровно убивающій своихъ дѣтей. Бывали случаи, что полицейскій агентъ входилъ въ избу, гдѣ только-что совершено было звѣрское убійство. Всѣ отъ мала до велика, рассказываетъ авторъ, умѣли тутъ разыграть комедію, мастерски маскируя нарушение семейнаго мира. Якуты славятся своимъ терпѣніемъ и упорствомъ, становясь автоматами подъ дѣйствіемъ суроваго климата. Буряты кровожадны и неспособны къ культурѣ. Въ средѣ русскихъ поселенцевъ почти вездѣ господствуетъ довольство и благополучіе. Г. Нѣмойовскій считаетъ отличительными чертами сибирскихъ колонистовъ ихъ «необыкновенную проницательность и здравый смыслъ», хотя, съ другой стороны, они выказываютъ полное отсутствіе нравственнаго развитія и сердечности. По мнѣнію автора, Сибири предстоитъ великая и блестящая будущность».

Вѣроятно, въ этомъ сочиненіи есть своего рода промахи. Напримеръ, едва ли можно сказать, что буряты, занимающіеся нынѣ земледѣліемъ, неспособны къ культурѣ. Что касается «великаго будущаго Сибири», то это, вѣроятно, очень польститъ сибирякамъ. Но вѣдь это будущее, а вотъ настоящее-то, кажется, незавидно.

На дняхъ вышли 2-мъ изданіемъ „Записки Сибирскаго Охотника“ Черкасова. Книга эта, заключающая, помимо описанія сибирской охоты на разныхъ звѣрей, еще прекрасные очерки сибирской природы и типы сибирскаго крестьянина-промышленника, составляетъ одно изъ цѣнныхъ для сибиряковъ сочиненій. Въ немъ отразилась необыкновенная наблюдательность автора и способность передать близко сибирскую обстановку. Многими своими достоинствами книга обязана близости автора къ народу.

Появилось объявленіе о книгѣ: „Завоеваніе Восточной Сибири, Якутскіе казаки. Очеркъ А. Маныкина-Невструева. Цѣна 60 к., складъ: Москва, книжный магазинъ Смирновой, Моховая ул.“

Вышла книга К. Скальковскаго: «Русская Торговля въ Тихомъ Океанѣ. Экономическое изслѣдованіе русской торговли и мореходства въ Приморской области Восточной Сибири, Корей, Китаѣ, Японіи и Калифорніи.» Изданіе министерства финансовъ, т. XIII. Цѣна 2 р. (Магазинъ «Нов. Времени»).

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ **Кобы** (корресп. „Вост. Обозр.“) — резиденціи комиссаровъ о разграниченіи — отъ 26-го іюня, намъ пишутъ:

«Относительно проведенія границы идутъ еще переговоры, вырѣшеннаго еще ничего нѣтъ. 21-го числа было небольшое происшествіе: китайскій комиссаръ засталъ своего носильщика и конюха играющими въ карты на деньги. За это онъ рѣшилъ казнить ихъ обоихъ, но по просьбѣ второго комиссара ограничился тѣмъ, что у обоихъ на лѣвой рукѣ отрубилъ пальцы — одному четыре, другому два. Оба эти шалуна теперь въ русскомъ лазаретѣ, гдѣ имъ заживаютъ руки».

Изъ **Дурбельджина** (корресп. „Восточ. Обозр.“). 23-го іюня казнили киргиза рода Аквайманъ за кражу лошадей. Киргизы этого рода, въ числѣ до 200 кибитокъ, перекочевали въ русскіе предѣлы, гдѣ большинство ихъ родовичей. Это бывшіе кочевники сѣверо-восточнаго берега озера Зайсана, откочевавшіе въ 1874 году отъ притѣсненій русско-подданныхъ киргизъ, такъ-какъ не были причислены русскими вслѣдствіе того только, что берегъ этотъ не вошелъ въ наши предѣлы. Урожай хлѣба и травы плохой по случаю засухи.

Съ **западно-китайской границы** (корресп. „Вост. Обозр.“). По извѣстіямъ изъ Кульджи, китайско-подданныя народности Илійскаго края усердно заняты хлѣбопашествомъ, реставрированіемъ городовъ и,

въ особенности, устройствомъ новаго города — резиденціи цзянь-цзюни. Надъ стѣною этого города работаетъ до 6,000 человекъ китайскихъ солдатъ, калмыковъ и мусульманъ. Стѣна городская возведена уже выше половины; она будетъ готова къ осени этого года, но дома управленія (ямыни) и казармы не могутъ быть вполнѣ закончены въ нынѣшнемъ году, такъ-что переселеніе илійскаго цзянь-цзюня въ настоящую его резиденцію обѣщаетъ быть только въ будущемъ. Рабочіе получаютъ поденную плату и муку. Разъ, въ муку оказалась, говорятъ, вредная примѣсь, отчего будто-бы умерло нѣсколько человекъ; тогда цзянь-цзюнь привлекъ къ ответственности интендантскихъ дѣятелей-чиновниковъ и подрядчиковъ, и даже казнилъ нѣсколькихъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ китайцевъ замѣтно стремленіе устроиться самымъ лучше въ краѣ и устроить такъ же своихъ людей, дайцинско-подданныхъ. Они заботятся прежде всего о пашняхъ и арыкахъ, хотятъ нынѣ же возобновить главный арыкъ на казенный счетъ, стараются имѣть въ краѣ побольше своего хлѣба, нисколько не пуждаться и не зависѣть отъ насъ въ предметахъ житейской необходимости, и тѣмъ удешевить мѣстную жизнь. Оставшіеся у китайцевъ таранчи получили отъ правительства по 4 шина *) сѣмянъ проса и пшеницы для посѣвовъ, но они все это сѣяли по нуждѣ, не засѣяли полей и живутъ теперь заработками — рубкой лѣса для постройки новаго города, причемъ получаютъ по 3 руб. за 15 рабочихъ дней, и другими промыслами; остальные, не занятые работами на казенныхъ постройкахъ, получили хлѣбныя сѣмена отъ китайскихъ купцовъ и засѣяли пашни на условіи изъ трети. Ячменя не сѣяли. Сибинцамъ-землепашцамъ китайцы отвели на территоріи бывшаго сѣвернаго нашего участка массу земель, на которыхъ сдѣланы большіе посѣвы. Въ настоящее время, цѣны на продукты стоятъ въ Кульджѣ такія: мука за пудъ 2 руб. 50 к. — 3 руб., за хо 10 — 12 руб., пшеница за хо 8 — 9 руб. Большую услугу оказалъ китайцамъ въ этомъ отношеніи пароходъ компаніи Вали-ахунъ-Паклевскій, возившій въ Суйдунъ хлѣбъ изъ Джаркента, гдѣ мука стоитъ по 1 руб. 60 коп. за пудъ. Пароходъ совершилъ до Суйдуна первый рейсъ благополучно и возвратился къ Джаркенту. — Самъ цзянь-цзюнь, на-дняхъ, будетъ объѣзжать Илійскій край и, вѣроятно, оставитъ свое путешествіе большою торжественностію и внушительностію.

Въ началѣ мая, многіе изъ таранчинцевъ ѣздили въ Суйдунъ получать чиновные шарики и утвержденія въ должностяхъ. Бабаходжа назначенъ помощникомъ Хакимбека **); на должность же Хакимбека никто еще не опредѣленъ. Бекзадбекъ назначенъ казначеемъ (казначей — министерская должность).

Китайско-подданные таранчи чувствуютъ и ведутъ себя въ отношеніи русско-подданныхъ сартовъ и таранчей иначе, чѣмъ прежде: не позволяютъ родниться съ ними, выдавать имъ дочерей замужъ. Впрочемъ, несмотря на все это, ходятъ слухи, что многіе изъ оставшихся у китайцевъ таранчей рѣшились выселиться въ наши предѣлы послѣ уборки хлѣбовъ; сѣтованія на худые порядки раздаются и со стороны сибинцевъ; — они тоже не прочь поднасть русскому управленію, которое предпочитаютъ родному китайско-маньчжурскому; особенныя симпатіи къ русскимъ сибинцы заявляли во время прибытія парохода „Колпаковскій“ съ хлѣбомъ къ Суйдуну.

По уходѣ русскихъ изъ Кульджи, китайцы и другіе дайцинско-подданные обшарили всѣ дома и воспользовались всѣмъ, чѣмъ воз-

*) 4 шина = около 1½ пуда.

***) Правителя народонаселеніемъ мусульманскимъ.

можно было: повынимали двери, косяки и проч. Недавно, говорят, они забрались и въ нашъ запертый православный храмъ и пообчистили его, насколько могли.

Тобольскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ Тобольскѣ нѣсколько новостей, обращающихъ на себя вниманіе. Начнемъ съ появившагося въ № 27 „Губ. Вѣдом.“ объявленія губернскаго прокурора, г. Соколова: „Убѣдившись въ распространеніи злонамѣренными людьми ложныхъ и лишенныхъ всякаго основанія слуховъ о моихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, долгомъ считаю просить какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ: по всеѣмъ могущимъ возникнуть недоразумѣніямъ обращаться лично ко мнѣ, ежедневно отъ 12 ти до 3 хъ часовъ дня, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ камерѣ моей, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ“. Слѣдуетъ подпись. Что это возвѣщаетъ, и о какихъ слухахъ говорится — мы собственно не знаемъ.

Надняхъ у насъ проводили въ трехмѣсячный отпускъ начальника губерніи, В. А. Лысогорскаго, поѣхавшаго въ Россію. Нѣкоторые говорятъ, что его пре—ство болѣе не вернется въ Тобольскъ. 26 го іюня сдѣлана закладка новыхъ воинскихъ казармъ. Подрядчикъ по постройкѣ ихъ — омскій еврей Колпаковъ, извѣстный по этой части строитель; постройка казармъ производится здѣсь подъ наблюденіемъ инженера г. Семенова, также изъ Омска. Канавы для закладки казармъ, по ширинѣ, вверху достигаютъ пяти четвертей, а съ углубленіемъ внизъ, постепенно ширина эта суживается и равняется лишь 3-мъ съ небольшимъ четвертямъ. Это, впрочемъ, молва народная; она же усматриваетъ въ этомъ непрочность основанія казармъ. Но молва такъ пускай и остается молвой. Работами руководитъ инженеръ, — какой еще гарантіи нужно? 3-го іюля сдѣлана закладка на Благовѣщенской площади каменной часовни въ память мученической кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го. Устроить эту часовню вызвались здѣшніе купцы, въ числѣ 6-ти человекъ, на свои частныя пожертвованія. Составленъ былъ проектъ, опредѣлявшій цифру расхода до 5,000 руб. Но этотъ проектъ признанъ негоднымъ и потому замѣненъ новымъ; сей же послѣдній опредѣляетъ цифру расхода для часовни за 10,000 рублей.

Спячка, обуявшая нашихъ гражданъ и общественниковъ — вообще образцовая. Это можно судить, напримѣръ, потому, что наше гор. общ. управленіе — дума — усвоила себѣ за правило рѣшать дѣла и вопросы въ составѣ 5—7 гласныхъ, и, конечно, при вторичномъ собраніи, благо послѣдовалъ такой законъ, кажется, въ 1880 г. Голова въ должность не вступаетъ съ апрѣля мѣсяца, по случаю бытности въ Москвѣ на празднествахъ коронаціи, а за тѣмъ, вѣроятно, по причинѣ постигшаго его несчастія — крушенія баржи съ чаями въ Оби, дававшего полумилліонный убытокъ. Заступающій его мѣсто постоянно отсутствуетъ изъ Тобольска и, такимъ образомъ, кормило городского самоуправленія отдано въ руки члена управы. Въ нашихъ собраніяхъ, наконецъ, появляются слѣдующія шутки: для развлеченія, одинъ изъ гласныхъ передавалъ намъ, что на 3-е іюля было собрано думское собраніе для рѣшенія текущихъ дѣлъ, — самъ онъ на собраніе одвако не явился, и оно должно было разойтись. Это ли не самоуправленіе?! Есть и разные члены управы, которые понимаютъ свои обязанности по своему; напримѣръ, казначей управы, завѣдующій кассою и торговыми документами, пользуясь неограниченною властію, не является по субботамъ въ управу, ибо суббота у насъ самый торговый день. Эта неувка прежде всего невыгодно отражается все на томъ же бѣдномъ крестьянинѣ. Извѣстно, что крестьянинъ, пріѣзжая въ городъ, въ субботу, съ продажей тѣхъ или другихъ сельскихъ предметовъ, вѣстѣ съ тѣмъ принаравливаетъ по сполутности взять

и торговый документъ, для чего является въ управу; но здѣсь онъ получаетъ категорическій отказъ въ своей просьбѣ, за отсутствіемъ казначея, и этилъ бываетъ поставленъ въ необходимость прожить въ городѣ, безъ дѣла, лишнихъ полторы сутокъ. А какъ дорого время крестьянину — всеѣмъ извѣстно, не говоря уже о тяжелыхъ расходахъ по проживанію въ городѣ. Повторяю, это ли еще не самоуправленіе?! Объ остальныхъ двухъ членахъ управы мало что извѣстно, какъ о городскихъ дѣятеляхъ; одинъ изъ нихъ мясоторговецъ, а другой — хлѣботорговецъ; они мягкіе люди и отлично понимаютъ свое торговое дѣло, но городское прохоятъ — съ указкою въ рукѣ. Секретарь въ управѣ — изъ числа поневолѣ прибывшихъ въ Сибирь. Городское и думское самоуправленіе составляетъ предметъ вздоховъ въ разныхъ городахъ, какъ извѣстно. Но кто же въ этомъ виноватъ? Если общество само избираетъ своихъ представителей, такъ не выражается ли здѣсь пословица: „по Сенькѣ и шанка“?

Енисейскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Енисейской городской думѣ, въ застѣданіи 2-го іюня, былъ предъявленъ управою отчетъ о движеніи суммъ за 1882 годъ — фактъ, конечно, обыкновенный, но было необыкновенно то, что отчетъ этотъ оказался никѣмъ неподписаннымъ, о чемъ откровенно тутъ же заявили члены управы, что и дало поводъ одному изъ гласныхъ сдѣлать замѣчаніе, что, по всей вѣроятности, отчетъ этотъ имѣетъ въ себѣ какіе-то недостатки, отвѣтственность въ которыхъ члены управы на себя не принимаютъ; между тѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ были активными дѣятелями прошедшаго года, за исключеніемъ лишь новаго градскаго головы, который, несмотря на это, все-таки долженъ бы, какъ исполнительный органъ, подписать отчетъ, что нисколько бы не привлекало его къ отвѣтственности за дѣйствія членовъ не во время его служенія. Несмотря на этотъ недостатокъ отчета, онъ все-таки, былъ прочитанъ гласнымъ, которымъ, затѣмъ, предложено было избрать комиссію для повѣрки его, но вопросъ объ избраніи ея остался открытымъ, по причинамъ, о которыхъ я скажу ниже; теперь же я постараюсь объяснить причины безхвостаго, такъ сказать, отчета. Въ послѣдніе годы, въ управѣ служилъ казначеемъ нѣкто изъ мѣщанъ енисейскихъ, по выбору городской думы *), до которой въ послѣднее время стали доходить слухи о какихъ-то мелочныхъ злоупотребленіяхъ казначея, о чемъ даже было, говорятъ, извѣстно чиновнику казенной палаты, повѣрявшему въ прошломъ году казенныя бланки свидѣтельствъ и билетовъ, который не далъ этому факту официальной огласки, — не далъ потому, что видѣлъ въ этомъ дѣлѣ умыселъ одного только казначея, а не всей корпораціи членовъ управы, которая, въ лицѣ прежняго городского головы, относилась всегда довѣрчиво къ своимъ членамъ: среди нихъ злоупотребленія были чрезвычайно рѣдки; такъ, напримѣръ, настоящій случай былъ третій со времени существованія здѣсь старой и новой городской думы и управы. Благодаря этой-то довѣрчивости, случилось такъ, что казначей, при сдачѣ своей должности другому лицу, не представилъ довольно значительную сумму, которую онъ, по нѣкоторомъ настояніи настоящихъ членовъ управы, внесъ впоследствии, за исключеніемъ лишь небольшой суммы — 260 рублей, принадлежащей попечительству о семействахъ воиновъ, гдѣ онъ былъ также казначеемъ. Кромѣ того, обнаружена какая-то неясность въ сборахъ дополнительныхъ за купеческія свидѣтельства, которая настоящимъ образомъ даже и

*) Корреспондентъ «Сибирской Газеты», въ № 17-мъ, неправильно передалъ, что онъ былъ лицо не выборное, а избранное будто бы городскимъ секретаремъ, который на выборъ гласныхъ и членовъ управы положительно никакого вліянія не имѣетъ.

не была объяснена думѣ; члены управы ей только предложили войти въ разсмотрѣніе этого вмѣстѣ съ отчетомъ управы. Г-нъ С. отказался отъ должности, и вмѣсто него выбранъ другой. При этомъ нельзя не пожелать, чтобы новый городской голова почаще провѣрялъ дѣйствія своего казначея и вообще всѣхъ членовъ управы, контроль надъ которыми, при безмездной даже ихъ службѣ, все-таки необходимъ. Добросовѣстный служака никогда не обидится контролемъ, въ особенности въ дѣлѣ общественномъ, городскомъ. „Чаще счетъ—дольше дружба“, говоритъ народъ, и говоритъ вполне справедливо. Жаль и горько встрѣчаться съ такими фактами, когда частый счетъ дѣлаетъ дружбу фиктивною и поселяетъ раздоръ между членами одного и того же общества. На эти мысли вызвало меня воспоминаніе о повѣркѣ отчета енисейскаго общественнаго банка за прошедшій годъ; повѣрка этого отчета вмѣстѣ съ книгами банка была возложена на особую комиссію. Комиссія нашла отчетъ правильнымъ, но въ своемъ, мнѣ кажется, добромъ рвеніи она задалась другою цѣлю, пожалуй, и не входящею въ предѣлы ея полномочій, но, во всякомъ случаѣ, цѣлю доброю и необходимою—именно она предложила въ своемъ докладѣ думѣ учрежденіе при банкѣ учетнаго комитета. Предложеніе это вызвало цѣлое контръ-объясненіе и въ концѣ-концовъ отставку директора банка, на-отрѣзъ отказавшагося служить при существованіи учетнаго комитета, къ обсужденію учужденія котораго гласные даже и не приступали. Такое послѣднее и несвоевременное заявленіе г. директора, когда въ добросовѣстности его никто несомнѣвался, крайне поразило всѣхъ и оставило вопросъ объ учрежденіи учетнаго комитета открытымъ до слѣдующаго засѣданія; такой способъ нельзя не признать однимъ изъ лучшихъ, такъ-какъ извѣстный промежутокъ времени успокоить и охладить разгорѣвшіяся страсти. И вотъ, благодаря такому-то обороту дѣла повѣрочной комиссіи, скажу я кстати теперь, дума уклонилась въ это первое, горячее засѣданіе, отъ избранія комиссіи для провѣрки отчета городской управы, побоясь, конечно, встрѣтить впоследствии тотъ же горячій протестъ и со стороны членовъ управы прежняго состава. Но „звѣря бояться—въ лѣсъ не ходить“; комиссію все-таки избрать нужно, и избрать не только для провѣрки отчета съ книгами управы, но и такую, которая могла бы провѣрить все дѣлопроизводство и порядокъ веденія книгъ, такъ-что, можетъ быть, она найдетъ возможнымъ сократить это дѣлопроизводство и улучшить его веденіе: о недостаткахъ ихъ даже было замѣчено однимъ изъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ бывший городской голова Н. М. Ячменевъ, которому только одно можно было поставить въ вину—почему онъ, зная объ этихъ недостаткахъ, не измѣнилъ ихъ тогда же къ лучшему. Съ измѣненіемъ прежнихъ порядковъ, быть можетъ, будетъ возможно сократить расходы на канцелярію и уменьшить составъ членовъ управы, которыхъ теперь, кромя городского головы, избирается пять человѣкъ; съ сокращеніемъ же расходовъ и уменьшеніемъ числа членовъ, быть можетъ, представится возможность назначить вознагражденіе и членамъ управы, которые тогда ревностнѣе будутъ относиться къ своей обязанности.

Продовольственный капиталъ, учрежденный въ память дня коронаванія Ихъ Величествъ, возросъ уже до 3,500 рублей, и теперь предположено приступить къ заготовленію хлѣба, цѣна на который пала въ настоящее время до 38 копеекъ за пудъ. Предположено, для продажи его, нанять особаго человѣка, а самую операцію производить подъ контролемъ управы. Желательно при этомъ, чтобы прежній продовольственный капиталъ, принадлежащій мѣщанскому обществу и, по распоряженію правительства, изъятый изъ вѣдѣнія города, былъ возвращенъ ему для усиленія того же капитала, кото-

рый можетъ впоследствии доставить солидную поддержку бѣдному населенію города, въ особенности въ годы неурожая.

Красноярскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). 5 го мая, на золото-содержащемъ пріискѣ потомств. почетн. гражданки К., на границѣ алтайскаго и красноярскаго округовъ, по р. Тубилѣ, произошли довольно серьезные беспорядки. Недовольные пріисковымъ управленіемъ рабочіе отказались отъ работъ и до пятнадцати человѣкъ самовольно ушли съ пріиска. Въ погоню за бѣглецами кинулись пріисковые конюхи съ завѣдующимъ полицейскою частью на промыслахъ урядникомъ красноярской казачьей сотни во главѣ. Настигнувъ пятерыхъ рабочихъ въ верстахъ пяти отъ пріиска, урядникъ, выстрѣлами изъ двухствольнаго ружья, заряженнаго дробью, ранилъ двоихъ по ногамъ. Затѣмъ, перевязавъ бѣглецовъ, доставили ихъ на пріискъ. Узнавъ объ этомъ, артель рабочихъ кинулась освобождать узниковъ; сопровождавшій урядника конюхъ былъ мгновенно избитъ до полусмерти; самъ онъ едва успѣлъ скрыться отъ возбужденной толпы въ промысловой конторѣ. Кое-какъ, кроткими и благоразумными мѣрами со стороны завѣдующаго работами, г. П., удалось остановить дальнѣйшее своеволие рабочихъ. Но побѣги рабочихъ и отказъ ихъ отъ выполненія заработка „урковъ“ продолжались ежедневно. 12-го мая, губернское начальство распорядилось командировать на пріискъ пристава 2-й части г. Красноярска, г. В., для водворенія тишины, съ двумя казаками. Возвратясь въ концѣ мая, приставъ донесъ, что изъ распросовъ рабочихъ имъ дознано, что неудовольствіе ихъ противъ пріискового управленія происходитъ вслѣдствіе дурной постановки работъ, составляющихъ въ высшей степени непосильный трудъ, такъ-какъ рабочимъ приходится цѣлый день стоять по поясъ въ водѣ, а пріисковое управленіе не заботится объ удаленіи водныхъ притоковъ, и вслѣдствіе недостатка пищи; но что, по мнѣнію пристава, жалобы эти неосновательны, потому что онъ лично убѣдился и въ достоинствѣ пищи, и въ заботливости управленія по надзору за работами *). Донесеніе это, впрочемъ, не было признано компетентнымъ. Губернское начальство назначило формальное слѣдствіе, которое возложило на красноярскаго окружнаго исправника, тѣмъ болѣе, что послѣ отъѣзда пристава съ пріиска, на другой-же день бѣжало еще 16 чел. рабочихъ... Намъ кажется, что такой выборъ слѣдователя не особенно удаченъ, и въ виду важности вопросовъ, сопровождающихъ всякое рабочее движеніе, желательно было бы разъясненіе причины описанныхъ беспорядковъ болѣе солиднымъ путемъ.

Хабаровка (корресп. „Вост. Обзор.“). Хабаровское городское общественное управленіе, за минувшій 1882 годъ, имѣло только 6,000 руб. Съ трудомъ хватило этой суммы на необходимые городскіе расходы. Самый главный расходъ—это содержаніе всей полиціи, на которую идетъ до 3,200 руб. въ годъ. Между прочимъ, городской староста П. неоднократно заявлялъ губернатору о бездѣйствіи полиціи. Въ послѣднее время, грабежи со взломами увеличались, не смотря на то, что въ каждой улицѣ находятся ночью сторожевые полицейскіе, которые грабителей не встрѣчаютъ и не видятъ даже людей, переносящихъ по улицамъ массу краденыхъ вещей. Вотъ, наприимѣръ, кражи со взломомъ: на сырой недѣлѣ, изъ баржи Осипова украдено до 10 тушъ свиней, на сумму до 250 руб.; 2-го или 3 го апрѣля, у Ю. сломали амбаръ и вытащили разные продукты; 4-го апрѣля сломанъ замокъ у пакхауза Э., украдено 9 большихъ банокъ разныхъ красокъ; 5-го апрѣля сломанъ замокъ

*) Пріискъ находится въ завѣдываніи горнаго исправника ачинскаго и миусинскаго округовъ, но, по отдаленности пріиска, исправникъ ни разу не посѣтилъ его.

у пакхауза Ж., украдены разные предметы. Виновные не отысканы. Кроме этого, многих ссыльно-каторжных отпускают без всякаго конвоя, и ими не такъ давно сдѣланы днемъ двѣ кражи.

За два послѣднихъ любительскихъ спектакля, данныхъ съ благотворительною цѣлью, сборы за билеты были большіе. Распорядителемъ спектаклей состоялъ г. Дюковъ, который не позаботился до сего времени опубликовать отчета: куда именно деньги расходовались и на что. Слѣдовало бы обратить вниманіе на это. Азартныя игры здѣсь у насъ становятся незапрещенными. Каждый вечеръ, въ гостинницѣ Б. играютъ открыто въ штосъ по нѣскольку человекъ. Главнымъ участникомъ въ этой игрѣ находится лицо, близко поставленное къ властямъ, и оно же состоитъ казначеемъ одного комитета, у котораго вращаются въ рукахъ большіе куши. При такихъ условіяхъ не трудно ему и согрѣшить. 17-го марта, полковникъ Барабашъ читалъ свои записки о поѣздкѣ въ Манджурію. 18-го марта, въ Николаевскѣ сгорѣли: полицейское управленіе, городская управа и училище. 9-го апрѣля Уссури тронулась, 12-го весь ледъ очистило. 14-го, въ 10^{1/2} часовъ, въ первый разъ тронулся Амуръ и остановился второй разъ 16-го, въ 12 часовъ. 23-го Амуръ совсѣмъ очистился. Теперь въ товариществѣ амурскаго пароходства новый директоръ, а также и здѣсь, въ Хабаровкѣ, новый распорядитель пристани—слѣдовательно, все новички, которые не позаботились усмотрѣть и предохранить въ гавани пароходы, стоявшіе во время ледохода; пробило льдомъ пароходъ „Ононь“ и рядомъ стоявшій пароходъ телегр. вѣдомства „Часовой“. Лѣсопильня товар. амур. пароходства пришла въ самое ветхое состояніе, подпоры со всѣхъ сторонъ и изнутри сгнили, такъ-что угрожаютъ паденіемъ каждый часъ. Навѣрно, всѣ рабочіе, находящіеся на ней, поплатятся своей жизнью. Слѣдовало бы, кому надлежитъ, обратить на это вниманіе. Иншѣ, на инспекторскомъ смотрѣ, 3-я рота 2-го стрѣлковаго баталіона вся въ голосъ показала претензію на своего ротнаго командира, Добросмыслова, который болѣе чѣмъ за 2^{1/2}, не выдавалъ солдатскаго жалованья и приварочныхъ. Сей мужъ теперь на свободѣ.

Казалинскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Чума принимаетъ у насъ съ каждымъ днемъ большіе размѣры. Мѣръ администрація никакихъ не принимаетъ. Ветеринара нѣтъ. Ежедневно падаютъ по нѣскольку коровъ; скотину перестали выгонять въ стадо. Жара стоитъ выше 30° по Реомюру.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ А. П. ЩАПОВА.

(Окончаніе).

Судьба Щапова переносила въ Сибирь. Отношеніе къ ней и къ этой перемѣнѣ въ его жизни для насъ тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе. Конечно, какъ сибирякъ, какъ уроженецъ края, онъ не могъ отнестись къ этой ссылкѣ, какъ другіе.

Вотъ что говоритъ объ этомъ биографъ его, Аристовъ: „По предубѣжденію Щаповъ не любилъ великороссовъ и имѣлъ черезчуръ пристрастный взглядъ на Малороссію и на Сибирь; на послѣднюю смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейскою Россіей. Такое лестное возрѣніе лелѣялъ онъ до высылки его изъ Петербурга и передъ отъѣздомъ увѣрялъ меня по старой фантазіи, что онъ очень радъ отправиться въ Сибирь, гдѣ почва незараженная, приволье и раздолье“.

Въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Щаповъ не терялъ связи съ своей родиной. Она живо рисовалась ему по воспо-

минаніямъ дѣтства, по той средѣ, которую онъ помнилъ, свои воспоминанія дѣтства онъ печаталъ въ Петербургѣ. Онъ не забылъ свое кровное родство съ бѣдняками, гдѣ-то прозябавшими въ глуши, на Ленѣ; ихъ несчастія рисовались ему часто, и тѣмъ рѣзче ему бросался въ глаза контрастъ окружающей жизни столицы, тѣмъ болѣе закипало въ душѣ мучительныхъ вопросовъ, о которыхъ пишетъ Аристовъ. Природа и жизнь страны также не могли не приходить ему на память и не оставить слѣда въ немъ, онъ не могъ не припомнить ея исторіи и не соприкасаться съ ними во время своихъ работъ. Эта родная природа рисовалась ему грандіозной и величественной. Лена, утесы и горы, пезамерзающая, клокочущая Ангара, широкій Байкаль,—все это было неизгладимо и близко ему. Это была страна новая и дѣвственная, гдѣ слагается новая жизнь,—страна, гдѣ когда-то совершались подвиги открытій и заселеній; сюда бѣжалъ русскій народъ, крѣпостные люди, церковники, старообрядцы, сыны падшаго Новгорода, Вятки и т. д. Здѣсь искалъ народъ свою обѣтованную землю. Щаповъ хорошо изучилъ этотъ періодъ XVI и XVII ст.—эпоху народнаго скитальчества и народныхъ его надеждъ. Здѣсь, въ этихъ лѣсахъ, раздавался шопотъ раскольника, его молитва, лилась исповѣдь ссыльнаго и капали слезы несчастія. Все было въ этой странѣ загадочно и чарующе. Наконецъ, это была страна еще несложившаяся, страна будущаго.

У ней все впереди—худое и хорошее.

А что, если яркіе лучи солнца міровой цивилизаціи освѣтятъ и эти сокровенные лѣса, и эту полярную поляну? Что, если и здѣсь проснется человѣческая жизнь съ ея многообразными потребностями! Эти вопросы не могли не приходить ему въ голову. Обширное поле предоставлялось въ этомъ случаѣ фантазіи, и Щаповъ, какъ энтузіастъ, какъ идеалистъ, не могъ не поддаться ей. Ему рисовалось какое-то завидное будущее, и сердце его не могло не захлебнуться отъ восторга, что онъ сынъ этой земли.

Любовь къ родинѣ была присуща многимъ его землякамъ, съ которыми онъ столкнулся въ духовной академіи, и они отдавались юношескимъ мечтаніямъ. Вотъ что говоритъ Аристовъ о сибирякахъ въ академіи:

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ, были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство не знало приниженія, которое испытывало великорусское духовенство отъ помѣщиковъ, и было зажиточнѣе его. Сибиряки-студенты въ наше время полушутя, полусерьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Щапову мечтать о федерации, хотя впоследствии объ этомъ не мало говорено было въ литературѣ русской, особенно Н. И. Костомаровымъ (?). Вообще студенты-сибиряки обладали характеромъ независимымъ и настойчивымъ“.

„Щаповъ на младшемъ курсѣ въ академіи слушалъ монгольско-калмыцкій языкъ и буддійское вѣроученіе у своего земляка, профессора А. А. Бобровникова. Авторъ „Монгольской грамматики“, Бобровниковъ, былъ замѣчательной личностью въ высшей степени; чуть-ли не природный буряты, онъ буддизмъ зналъ, какъ никто въ Россіи, а можетъ и да-

лѣе Россіи. Не имѣя другихъ обширныхъ свѣдѣній, кромѣ своей специальности, Бобровниковъ отличался необыкновенно крѣпкой логикой и сатирическимъ направленіемъ; буддійскую премудрость онъ преподавалъ такъ, что можно было заслушаться. Какъ землякъ, Афанасій Прокофьевичъ бывалъ у Бобровникова, и я полагаю, что послѣдній немало имѣлъ вліянія на перваго. (Биографія Аристовъ).

Такимъ образомъ, Щаповъ отражалъ въ себѣ и психическія особенности родины и симпатіи къ ней. Психическія способности и генетивное родство отражались въ его природѣ, складѣ и характерѣ. Это былъ „карымъ“ лицомъ (помѣсь съ инородцемъ), неотесанный, замкнутый, но въ то же самое время простодушный, открытый, прямой, съ чистымъ сердцемъ сына природы, дикаря, неизмѣнившимся цѣлую жизнь; впечатлительность, страсть, увлеченіе выражались въ немъ въ высшей степени, онъ отдавался всему беззаветно. Свѣжіе нервы, свѣжій оригинальный умъ давали себя чувствовать. Почувявъ свѣтъ и новыя ученія, онъ неудержимо, подобно другимъ сибирякамъ, стремится къ нимъ, его обольщаетъ всякое новаторство, всякое новое ученіе, поэтому онъ сталъ ревностнымъ прозелитомъ современнаго ему направленія. Какъ плебей по природѣ и демократъ, онъ былъ врагъ предразсудковъ и традицій, и сторонникъ равенства. Этимъ объясняются его народныя симпатіи и его историческое міросозерцаніе. Рядомъ съ выдающимися способностями и умомъ, въ этомъ характерѣ было, однако, много некультурованнаго, необузданнаго, что сказалося какъ въ манерѣ, такъ и въ языкѣ его. Въ немъ видны черты двухъ расъ, самоотверженная любовь идетъ рядомъ съ порывами личныхъ необузданныхъ страстей. Аристовъ, признавая его прямоту и благородство души, стремленіе къ высшему идеалу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кипучій темпераментъ, который доводилъ его до отчаянія и дѣлалъ положеніе драматическимъ, въ то же время замѣчаетъ и не прощаетъ ему порывы дикости.

Щаповъ любилъ свою родину, какъ мы сказали, и былъ когда-то несомнѣнно патріотомъ, хотя патріотизмъ его, измѣняясь сообразно возрасту и зрѣлости, потерялъ въ концѣ жестокое разочарованіе. Мы видимъ, что въ академіи Щаповъ раздѣляетъ дѣтскія надежды и планы своихъ товарищей. „Сибирь—это будущая Америка! мечтаетъ онъ: ей сулитъ исторія великое будущее“. Жизнь показала впоследствии, какая это Америка.

Давъ патріотизму отдаетъ Щаповъ и въ Петербургѣ. Послѣ шумныхъ овацій въ Казани и бурной, кипучей дѣятельности въ 1861 г., онъ очутился въ уединеніи Петропавловской крѣпости. Здѣсь его посѣтили петербургскіе студенты-земляки. Щаповъ имъ обрадовался. Онъ узналъ отъ нихъ, что въ Петербургѣ учащіеся сибиряки также сгруппировались въ землячество, что у нихъ бродятъ мысли и пробудилось сознаніе приносить пользу родинѣ.

Встрѣча съ земляками и досугъ въ Петропавловскомъ казематѣ дали Щапову поводъ помечтать, и плодомъ этого вышло стихотвореніе, посвященное Сибири. Сколько помнимъ, оно заключало въ себѣ слѣдующую мысль:—въ то время, когда въ Россіи идетъ общее пробужденіе, когда Финляндія, Малороссія и Западный край отозвались уже на призывъ жизни,—что же ты молчишь одна, отдаленная моя Сибирь? Стихотвореніе это сдѣлалось популярно между сибиряками. За этотъ „плодъ досуговъ“ Щаповъ имѣлъ гдѣ-то объясненіе, кончившееся

пустякомъ. Но это же стихотвореніе дало поводъ привлечь его въ 1865 г., изъ Иркутска, къ дѣлу по обвиненію въ сибирскомъ сепаратизмѣ. Какъ упомянуто Аристовымъ, мысль о томъ, что „Сибирь призвана быть независимой Америкой“, была темой разговоровъ юношей въ 60-хъ годахъ. Но надо замѣтить, что даже въ представленіи этихъ юношей, эта независимость разсматривалась какъ отдаленнѣйшее, хотя и неизбежное историческое событіе.

Поводомъ къ распространенію этой идеи послужили не одни лишь мнѣнія, выражавшіяся юношами, но и мысли нѣкоторыхъ государственныхъ людей, громко высказанныя. Въ „Русской Старинѣ“ находится по этому предмету нѣсколько документовъ. Такъ, по поводу переселенія чеховъ и американцевъ на Амуръ, было выражено кѣмъ-то въ Петербургѣ то же преувеличенное опасеніе. Затѣмъ, въ политико-экономическомъ комитетѣ, при обсужденіи вопроса о колонизаціи, начальникъ кабинета Мейендорфъ выразилъ странную мысль, что Сибирь колонизовать не слѣдуетъ потому, что всѣ колоніи рано или поздно отдѣляются. Такое отношеніе и подозрѣніе къ Сибири, въ которой не начиналось еще никакой гражданской жизни, не пробуждалось никакого сознанія, гдѣ прозябало апатичнѣйшее и невѣжественнѣйшее общество,—было болѣе, чѣмъ странно. Можно ли было сравнивать ее съ Америкой, обладавшей политической жизнью. Тѣмъ не менѣе, это послужило поводомъ къ обвиненію нѣсколькихъ сибиряковъ, возвратившихся изъ Петербурга въ Сибирь и занятыхъ мечтами о мѣстномъ университетѣ, о необходимости изучить Сибирь и т. д. Обвиненіе это, создавшее цѣлое дѣло, было тѣмъ несообразнѣе, что обвиняемыми были дѣти и юноши,—все это, вмѣстѣ съ щаповскимъ „плодомъ досуга“ въ видѣ патріотическаго стихотворенія, едва ли могло повліять на отпаденіе территоріи въ 250,000 кв. в. отъ Россійской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, на разслѣдованіе истрачена была масса денегъ и времени, и Щаповъ прогулялся изъ Иркутска въ Омскъ, для того, чтобы побесѣдовать съ мѣстными слѣдователями о теологическихъ вопросахъ, съ свойственною ему откровенностью. Другимъ это дѣло стоило дороже: у нѣсколькихъ молодыхъ людей вычеркнуто нѣсколько лѣтъ жизни. Нашумѣвшее обвиненіе и самое дѣло не произвели на малѣйшаго впечатлѣнія. Сибирское общество даже и ухомъ не повело.

Идея сепаратизма была далека, конечно, отъ серьезнаго ученаго, а всякая идеализація и мечтательность отпадали при видѣ дѣйствительности. Но въ своей философско-исторической теоріи Щаповъ не могъ игнорировать Сибири и вообще колонизуемаго Востока. Даже съ общечеловѣческой точки зрѣнія онъ не могъ не предвидѣть здѣсь исторической роли русскаго народа. Въ статьѣ „Новая эра на рубежѣ двухъ тысячелѣтій“ („Современное Слово“ 1863 г.) онъ говоритъ: „русская народность существуетъ для всего человѣчества, народъ русскій долженъ примирить, соединить братскій союзъ Востока съ Западомъ“. Относительно будущаго строя Россіи онъ продолжаетъ оставаться скорѣе на почвѣ децентрализаціи и областности. Онъ дѣлилъ русское интеллигентное меньшинство на централистовъ и федералистовъ. Централизація создала общій внѣшній порядокъ, и федерація, не нарушая единства, можетъ способствовать внутреннему саморазвитію массъ народныхъ естественнѣе и правильнѣе. Идея федераціи присуща духу русскаго народа, точно также, какъ имперія имѣетъ свою основу историческую. Эти политическія идеи цен-

трализації и федерації заключають, каждая, свою долю истины, только жаль, что они разрознены до нетерпимости, а слѣдовало бы скорѣе уяснить жизненное призваніе русскаго народа. Образованное меньшинство должно всѣми силами распространять просвѣщеніе въ массахъ народныхъ, развивать понятіе о разумности закона, чтобы пробудить въ нихъ прежнюю свободную самостоятельность. Безъ единенія съ народомъ, въ будущемъ всѣ наши усилія будутъ безплодны. Таковы были мысли, высказываемыя Шаповымъ (Біографія, стр. 102—103). Идея работы въ пользу области и на почвѣ провинціи, такимъ образомъ, не могла быть ему антипатична. И вотъ Шаповъ отправляется въ Сибирь, не какъ ссыльный, но сохраняя воспоминанія о родинѣ, желая быть полезнымъ здѣсь, даже отдаваясь, какъ пишетъ Аристовъ, мечтательности, идеализируя свое положеніе и смягчая этимъ горечь невольнаго переселенія. Поэтому, онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ обыкновенный ссыльный.

Дѣйствительно, Шаповъ не остался чуждъ Сибири; кромѣ общихъ работъ по исторіи, онъ оставилъ слѣды и въ мѣстной сибирской литературѣ. Разсмотрѣть его возрѣвія и идеи по отношенію къ Сибири любопытно, также какъ и вынесенныя имъ впечатлѣнія.

Явившись въ Иркутскъ, Шаповъ не оставляетъ своихъ трудовъ по общей исторіи — помѣщаетъ статьи въ „Дѣлѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и, наконецъ, издаетъ извѣстный этюдъ по исторіи: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“. Рядомъ съ этимъ онъ посвящаетъ свою дѣятельность и сибирскому отдѣлу географическаго общества, находящемуся въ Иркутскѣ. Какъ ни бѣденъ былъ этотъ отдѣлъ, какъ ни слабы были его ученныя силы и средства, все же онъ даетъ опору ученому въ его занятіяхъ. Шаповъ успѣлъ побывать, кажется, въ Амгѣ у своихъ родныхъ, чуть ли его даже не предполагали поселить тамъ, а затѣмъ началъ работать надъ этнографическими темами. На средства мѣстнаго отдѣла географическаго общества, въ 1869 г., при экспедиціи, онъ совершаетъ поѣздку къ устьямъ Енисея, въ Туруханскій край, и вывозитъ богатые наблюденія, которыя, однако, не были даже напечатаны. Затѣмъ въ 1874 г., по порученію общества, онъ изслѣдуетъ крестьянскую и инородческую общину на Ленѣ. Нѣсколько статей его по сибирской этнографіи печатаются въ „Извѣстіяхъ Отдѣла“. Къ выдающимся трудамъ Шапова по Сибири относятся: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“ („Отеч. Записки“ 1872 г., № 10); „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи“ („Извѣст. Сиб. отд.“, т. III, №№ 3, 4 и 5); „Историко-географическія замѣтки о Сибири“ (ibid, 1873 г., № 2); „Сибирское общество до Сперанскаго“ (1873 г., т. IV, № 4 и 5, 1874 г., № 1); „Бурятская улусная родовая община“ (ibid, 1874 г., т. V, № 1); „Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ кундинско-ленскомъ краѣ“ (ibid, 1875 г., т. VI, № 3); „Физическое развитіе верхоянскаго населенія“ (1876 г., т. VII, №№ 2 и 3); „Эгоистическіе инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятско-улусской, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской“. По этимъ темамъ мы видимъ, что Шаповъ не брался за систематическую разработку собственно исторіи Сибири, но онъ касался любопытныхъ этнографическихъ темъ и производитъ, такъ сказать, философско-историческія наблюденія надъ скла-

домъ сибирскаго общества. Ближе къ исторіи—его „Историко-географическія замѣтки о Сибири“, гдѣ онъ касается эпохи открытій въ Сибири и расширенія взгляда на природу, порожденнаго этими открытіями. Любопытенъ его выводъ, что безъ открытій казаковъ и простолюдиновъ сибирскихъ, можетъ быть, не было бы открытій Беринга, Врангеля и друг. Взглядъ этотъ можетъ дать историку мысль для освѣщенія цѣлаго періода. Въ другихъ статьяхъ онъ касается вопроса о расовыхъ свойствахъ русскаго населенія, о метисаціи, помѣсяхъ и выработкѣ особаго этнографическаго типа. Можно сказать, что онъ касается корня сибирской этнографіи и цѣлой программы антропологическихъ работъ въ Сибири. При изслѣдованіи сибирскаго крестьянства и его жизни, онъ дѣлаетъ первую попытку изученія сибирской инородческой и крестьянской общины. Эта попытка важна была тѣмъ, что произведена прежде, чѣмъ работы по изслѣдованію общины начаты въ Европейской Россіи. Шаповъ своими параллелями сближаетъ и указываетъ связь общины инородческой и осѣдлой въ ихъ постепенныхъ градаціяхъ—тема въ высшей степени богатая для исторіи культуры. Наконецъ, онъ посвящаетъ свои этюды психическимъ особенностямъ и инстинктамъ сибирскаго общества въ связи съ его сословнымъ складомъ. Всѣ эти темы и вопросы чрезвычайно интересны въ смыслѣ изученія страны. Здѣсь виденъ также смѣлый пріемъ изслѣдованій, необыкновенная чуткость, способность овладѣть главной идеей предмета, страсть къ обобщеніямъ, систематизація и даръ философскаго творчества. Работы эти страдаютъ иногда недостаткомъ матеріала, скоростью выводовъ и т. п. Отсутствие научныхъ изслѣдованій въ Сибири мѣшало этому. Шаповъ намѣчаетъ скорѣе плавать и вѣхи изслѣдованію. Онъ не могъ, конечно, создать самъ ни мѣстной этнографіи, ни исторіи, онъ не имѣлъ возможности рыться въ архивахъ, не имѣлъ средствъ работать годами, какъ требовали того сюжеты, но здѣсь видна все-таки сила Антея, соприкоснувшася съ родной почвой. Аристовъ, слишкомъ строгій къ Шапову, въ своей біографіи относится съ претензіей предубѣжденнаго критика къ его историческимъ трудамъ и монографіямъ, признавая ихъ не научными и считая выводы его продуктами увлеченія модными идеями въ угоду тогдашнему направленію. Дѣйствительно, работы Шапова страдали иногда отсутствіемъ строгаго научнаго метода и поспѣшными выводами, но это зависѣло отъ того, что самый матеріалъ для подобныхъ работъ еще не былъ собранъ. Философія его забѣгала впередъ. Нельзя отрицать, однако, что онъ касался самыхъ живыхъ темъ, любопытнѣйшихъ вопросовъ, глубокая и высокая идея проникала труды его. Онъ творилъ первый философію русской исторіи и работалъ здѣсь съ непостижимой смѣлостью, стараясь тронуть горы народной жизни; понятно, что у него не хватило силъ. Онъ сближалъ исторію съ современной жизнью, и винить его за увлеченіе философской идеей едва ли возможно: вѣдь онъ не принадлежалъ къ тѣмъ бездарнымъ комментаторамъ буквы лѣтописей, къ тѣмъ сухимъ муміямъ учености, чуждымъ жизни, которые одни претендуютъ на ученую славу. Шаповъ не былъ рутинеромъ: онъ намѣчаетъ новые пути изученію исторіи, онъ пытается двинуть науку, и въ этомъ также выразился его оригинальный сибирскій умъ. Другими изъ сибирскихъ изслѣдованій Шапова являются статьи „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ въ сибирскомъ обществѣ“ и „Сибирское общество до Сперанскаго“.

Конечно, Иркутскъ для учености Щапова не могъ дать того, что требовалось. Его работа нуждалась въ громадной библіотекѣ, въ массѣ готовыхъ историческихъ фактовъ и наблюденій, его дѣло было систематизировать и обобщать. Если данныхъ этихъ не могла дать даже русская историческая наука съ своимъ слабымъ развитіемъ, то нечего и говорить про сибирскую. Для того, чтобы труды его приобрѣли достаточную солидную научность, они должны были быть серьезно обработаны и продуманы. На это было нужно время, средства и обеспечение въ кускѣ хлѣба. Но того, что давали ему бурса и академія съ своимъ казеннымъ скуднымъ кускомъ, у него теперь не было. Постоянная забота о заработкѣ грызла его. Погоня за журнальнымъ трудомъ изнуряла силы. Скоро петербургскій журнальный рынокъ, увлекшій его на путь тенденціозности и подстрекавшій его къ этому, не сталъ, наконецъ, принимать работъ Щапова, и это подорвало его средства, уязвило его самолюбіе. Онъ началъ впадать въ отчаяніе.

Окружающая жизнь Иркутска и даже Сибири не представляла ничего утѣшительнаго. Щаповъ могъ быть весьма кстати при сибирскомъ университетѣ, но такового не было. Мѣстный отдѣлъ географическаго общества такъ былъ бѣденъ, что не могъ издать даже трудовъ туруханской экспедиціи; они долго лежали, дожидаясь своей очереди, пока, наконецъ, къ нимъ навстрѣчу не пришелъ иркутскій пожаръ, прекративъ заботы объ ихъ изданіи. Щаповъ пытался въ Иркутскѣ продолжать свою дѣятельность: онъ произноситъ рѣчь по случаю юбилея Ломоносова, но это никого не вдохновляетъ и не будитъ общества, лишеннаго умственной жизни; онъ пробуетъ читать лекціи, но ими интересуется только небольшое число интеллигентныхъ людей, остальные же изумляются, какъ писалъ онъ въ одной изъ статей, и спрашиваютъ: „даютъ ли что за это, а если не платятъ, то что же за охота это убиваться!“ Дѣло въ томъ, что Щаповъ принадлежалъ въ Иркутскѣ къ тому ничтожному интеллигентному меньшинству писателей и ученыхъ, которые, даже и до послѣдняго времени, не только не цѣнятся, но пребываютъ въ какомъ-то гоненіи, точно зачумленные, а роль цивилизаторовъ изображаютъ изъ себя наѣзжіе ташкентцы, хлыщ и разные авантюристы *). Географическій отдѣлъ всегда находится подъ давленіемъ того или другого администратора, навязывающаго своего предсѣдателя и секретаря, ученость которыхъ измѣряется ихъ низкопоклонствомъ и бездарностью. Независимому образованному человѣку съ чувствомъ собственного достоинства, съ талантомъ, здѣсь нѣтъ мѣста. Образованные представители вытѣснены изъ городской думы, какъ помѣха городскому самоуправленію. Редакція мѣстной газеты считается гнѣздомъ заразы, ея сотрудниковъ позорятъ публично. У литераторовъ отбирались мѣстнымъ полиціимейстеромъ историческія хроники и лѣтописи, какъ это было съ В. И. Вагивымъ, извѣстнымъ своимъ драгоценнымъ трудомъ о Сперанскомъ. Это несчастное меньшинство мѣстныхъ образованныхъ людей, патріотовъ своей страны, лишенныхъ правъ гражданства, живетъ загнанное, угнетенное и пришибленное.

Щаповъ находился въ ряду этихъ непризнанныхъ. Мѣстное начальство не думало воспользоваться его учеными тру-

дами и способностями, хотя въ Сибири ученые и не рождаются, какъ грибы, а недостаткомъ дѣятелей здѣсь, между тѣмъ, извиняютъ контингентъ бездарностей и взяточниковъ въ канцеляріяхъ. Мѣстное общество также не интересовалось ученымъ и его трудами.

Въ это время, въ иркутскомъ обществѣ, какъ и вообще въ сибирскомъ, царили самодурство и нажива. Жалкое туземное чиновничество, бьющееся изъ-за куска хлѣба, невѣжественное и угодничающее, рядомъ съ пріѣзжими карьеристами, не представляло задатковъ образованнаго сословія. Чиновничество подслуживалось и прихлебательствовало у золотопромышленниковъ и купечества, составлявшихъ господствующій классъ. У купцовъ проявлялась одна грубая нажива, погоня за барышами, лавочный расчетъ и лавочные инстинкты. Соединяясь и родясь между собою, эти два слоя наживались и блаженствовали. Жизнь вѣяла продажностью, подкупомъ и стремленіемъ сорвать и обогатиться. Надъ этимъ обществомъ самодурствовало иногда мѣстный Гарунъ-аль-Рашидъ, ходившій и вводившій порядокъ на улицахъ палкой, или вздѣвался разслабленный сибарить-развратникъ. Никакихъ признаковъ умственной жизни, никакого уваженія къ мысли, къ честному труду. Весь почетъ и величіе измѣрялись здѣсь каменными домами миллионеровъ, обѣдами и массой выжатыхъ обманомъ и хищничествомъ денегъ изъ каторжнаго труда золотопромышленныхъ рабочихъ, съ кабаковъ, прасольничества и отъ злостныхъ банкротствъ. Понятно, что долженъ былъ чувствовать здѣсь мыслящій и честный человѣкъ, неприкосновенный къ этой кликѣ.

Это безнадежное состояніе общества, полное своекорыстія, жадности къ наживѣ, безчувственное, при отсутствіи высшихъ человѣческихъ интересовъ, гражданскихъ доблестей и образованности,—Щаповъ очерчиваетъ въ статьѣ о сибирякахъ и ихъ нравственныхъ чувствахъ. Инстинкты этого общества онъ выводитъ исторически. Здѣсь онъ выражаетъ всю субъективную горечь и негодованіе, накопившіяся у него въ нѣсколько лѣтъ, и этотъ памфлетъ останется надолго памятникомъ сибирскихъ правовъ; сибирская буржуазія долго не сотретъ клейма, которое наложилъ на нее погибавшій и задохавшійся въ ея атмосферѣ учевый.

Въ другомъ трудѣ своемъ: „Сибирское общество до Сперанскаго“, Щаповъ, характеризуя городское начало и борьбу капиталистовъ и промышленниковъ съ администраціей, доказываетъ, что здѣсь не было гражданского и общественнаго инстинкта, а была борьба кулаковъ и монополистовъ съ деспотизмомъ мѣстныхъ самодуровъ; онъ отдаетъ предпочтеніе даже тирану Трескину, который гналъ купеческую партію, искавшую наживы и власти. Задаваясь вопросомъ, откуда долженъ выйти реформаторъ и другъ населенія, онъ, имѣя въ виду Сперанскаго, находитъ, что таковой выйдетъ скорѣе изъ чиновничества, изъ приказныхъ, чѣмъ изъ сибирскихъ богачей и промышленнаго сословія. Какъ бы ни было сильно раздраженіе Щапова, какъ бы ни парадоксальны казались его выводы, они все-таки ясно показываютъ, какое впечатлѣніе оставили въ немъ сибирское общество и его жизнь. Иркутскъ онъ называетъ въ концѣ „иркутскимъ острогомъ“ и жаждетъ вмѣстѣ съ женою вырваться изъ него. „Острогомъ“,—вотъ чѣмъ стала для него родина! Это глубокое разочарованіе послѣ горячихъ иллюзій патріотизма выпадало на долю не одного Щапова, но многихъ образованныхъ сибиряковъ. Такое

*) См. о пріѣзжихъ въ Сибирь статью: „Сперанскій и его пребываніе въ Сибири“ В. Вагина, т. II, ст. 393.

же озлобленіе къ сибирскому обществу вынесъ и покойный С. С. Шашковъ. Немногіе съ философской стойкостью могли переносить свои взоры въ даль будущаго и носить тайную пѣжную любовь подь сердцемъ въ самыя тяжкія эпохи.

Драматизмъ положенія Щапова усиливается еще тѣмъ, что онъ не можетъ выѣхать. Ссылный на своей родинѣ, онъ походилъ на младенца, который, будучи насильно удерживаемъ, готовъ искушать сосцы своей матери. Онъ не вѣритъ больше въ свою родину, не замѣчаетъ признаковъ жизни и весны, нарождающихся здѣсь среди грозной природы, бурь и невастыя, которыя заглушаютъ всходы молодыхъ цвѣтовъ. За жизнью городскихъ буржуазныхъ слоевъ, съ барышническими инстинктами и эгоистическими чувствами, онъ болѣе не замѣчаетъ здоровыхъ слоевъ народа, залоговъ будущаго, которымъ онъ отдавалъ когда-то свои симпатіи. Онъ не прощаетъ гибель собственной жизни. Въ помутившихся отъ горя глазахъ пророка вѣтъ болѣе вѣры въ свою родину.

Въ горькой бѣдности, живя въ какой-то хижинѣ, безъ возможности трудиться, Щаповъ испытываетъ отчаяніе. Чахоточная жена, героически поддерживавшая его, заболѣла. „Во время болѣзни ея, пишетъ Аристовъ, онъ доходилъ до самаго тяжелаго, мрачнаго расположенія духа; онъ ожесточился на все окружающее его общество, считая его ехиднымъ, злымъ и безсердечнымъ, а Иркутскъ онъ возненавидѣлъ до глубины души и называлъ его „отвратительнымъ острогомъ“. Послѣ смерти жены, Щаповъ окончательно падаетъ духомъ. Смерть этой святой мученицы онъ считаетъ величайшей несправедливостью. Ночами онъ скитается, лежитъ на ея могилѣ и, полный отчаянія, рыдаетъ и обращается съ мольбами и жалобами къ дорогой тѣни.

Все порвано—и связь съ жизнью, и связь съ родиной. Иркутскіе друзья безсильны спасти его. Онъ иногда валяется около кабака. Смерть идетъ на встрѣчу.

Щаповъ умираетъ въ какой-то лачугѣ. Нѣсколько пріятелей, такихъ же несчастныхъ, какъ и онъ, провожаютъ его гробъ. Полиція опечатываетъ бумаги, сшивая и перемѣшивая груды ученыхъ трудовъ. Должники расхватываютъ его рукописи. Мѣстное начальство запрещаетъ помѣстить извѣстіе о его кончинѣ въ мѣстной газетѣ.

Никто въ Иркутскѣ не замѣтилъ этой смерти. Сибирское общество не знало, что погибъ на его глазахъ человѣкъ, профессоръ, писатель—даровитѣйшая сила, которая могла бы занять свой пьедесталъ въ исторіи просвѣщенія и науки.

Такъ исчезаютъ люди тамъ, гдѣ не народилось еще умственной и гражданской жизни. Едва ли все это слѣдуетъ приписать характеру, неживчивости, непрактичности и слабостямъ Щапова. Мы видимъ, что онъ все-таки работалъ, и такъ усердно, что $\frac{3}{4}$ работъ его не находили мѣста въ литературѣ и въ маленькомъ мѣстномъ ученомъ изданіи. Почему же онъ не былъ обезпеченъ? Какъ бы ни были строги наши приговоры личнымъ качествамъ, но едва ли поднимется у кого рука свалить все на этого несчастливца.

Его участь, нищета и гибель составляютъ рѣзкій контрастъ съ окружающимъ его общимъ благодушіемъ, киданьемъ десятковъ тысячъ на обѣды, съ жирнымъ самодовольствомъ иркутскихъ золотопромышленниковъ и милліонеровъ, которымъ не нужны ни наука, ни руководство интеллигенціи, ни литература. Здѣсь есть благотвореніе и жертвователи, но

жертвователи въ угоду сильнымъ, изъ тщеславія, изъ-за медалей—наконецъ, ради того, чтобы лучше прикрыть темныя дѣла наживы. Эти благотворители никогда не снисходили ни до покровительства истинному несчастію, ни до гражданского долга. Никогда никто изъ нихъ не думалъ о судьбѣ Щапова, о томъ, чтобы дать ему возможность трудиться для науки и родины.

И такая судьба не одного Щапова. Это судьба всей сибирской интеллигенціи. Множество интеллигентныхъ сибиряковъ бѣжало изъ Сибири или не возвращалось туда, получивъ образованіе, а это были также даровитыя силы. Это зависѣло не отъ того, что они не хотѣли работать, но отъ того, что имъ негдѣ было работать, или, вѣрнѣе, что имъ не давали трудиться для края. Человѣку образованному здѣсь не къ чему прицѣпиться, пріорити. Такъ будетъ, вѣроятно, до возникновенія университета. Аристовъ, въ біографіи Щапова, рисуетъ Иркутскъ такимъ, какъ будто тамъ нѣтъ образованныхъ людей и мѣстныхъ патріотовъ. Мы знаемъ, что это неправда. Они есть тамъ, но чувствуютъ себя, подобно Щапову, также въ загонѣ и отверженіи. Любить родину, работать для нея, не встрѣчая поощренія, не ища улыбки сочувствія и готовясь къ самой горькой долѣ гибели отъ бѣдности и одинокой смерти,—вотъ драматизмъ сибирской интеллигенціи въ данную минуту.

И. Ядринцевъ.

ЗАМѢТКА ОБЪ АМУРСКОМЪ ДѢЛѢ, ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. И. ЗАБОРИНСКАГО.

(Письмо въ редакцію).

Въ „Русской Старинѣ“, за іюнь 1883 г., напечатана статья служившаго въ Восточной Сибири офицеромъ генеральнаго штаба, нынѣ генерала, Ахиллеса Ивановича Заборинскаго, о гр. Муравьевѣ-Амурскомъ, затемняющая снова Амурское дѣло, разъясненіе котораго такъ важно для Сибири. Статья эта непосредственно касается и моей дѣятельности въ Забайкальской области, что и вынуждаетъ меня, предварительно подробнаго отвѣта на нее въ своемъ мѣстѣ, сказать нѣсколько словъ о ней и здѣсь, какъ въ органѣ гласности, посвятившемъ себя дѣламъ востока, включая въ него и Сибирь. Изъявляя сожалѣніе о разладѣ моемъ съ Муравьевымъ (хотя по незнанію настоящей причины и ошибается въ объясненіи оной),—разладѣ, лишившемъ Муравьева моихъ совѣтовъ и указаній, А. И. Заборинскій говоритъ по поводу этого слѣдующее: „Между тѣмъ, Д. И. Завалишинъ, при блестящемъ образованіи, обладая обширнымъ и свѣтлымъ умомъ, и изучивъ до толкости край, своими совѣтами и указаніями принесъ бы большую пользу колонизаціи, и избавилъ бы отъ тѣхъ ошибокъ, о которыхъ пришлось впоследствии читать. При частыхъ командировкахъ въ Забайкальскую область, я лично, да и всѣ другіе, пользовались его, Д. И. Завалишина, указаніями, за что по настоящее время остаюсь ему глубоко признательнымъ.“ Затѣмъ, когда имѣется уже и другое, напечатанное въ „Древней и Новой Россіи“ свидѣтельство г. Сгибнева, участника въ первой экспедиціи на Амурѣ, о томъ содѣйствіи, которое я обазывалъ экспедиціи, и когда г. Заборинскій и самъ говоритъ далѣе о моемъ даже

открытомъ участіи въ дѣлахъ и о публично дѣланныхъ мною распоряженіяхъ,—то тѣмъ страннѣе видѣть, что эпиграфомъ къ своей статьѣ онъ выбралъ извѣстное изрѣченіе: „la critique est aisée, mais l'art est difficile“—какъ будто дѣло идетъ о человѣкѣ, который только и умѣлъ, что критиковать, а не о лицѣ, прямая на пользу общую дѣятельность котораго обнимала всѣ отрасли управленія, какъ видно это изъ того, что всѣ, а въ томъ числѣ и онъ самъ, по его собственному свидѣтельству, пользовались совѣтами и указаніями этого лица, изъ чего именно-то и истекало законное его право критики. Признавая уже теперь справедливымъ многое изъ сказаннаго мною по амурскому дѣлу, что, однако сначала также отрицали, г. Заборинскій все еще пытается если не оправдать, то извинить Муравьева въ нѣкоторыхъ вещахъ. Такъ, напримѣръ, отзываясь о первомъ военномъ губернаторѣ Забайкальской области, Павлѣ Ивановичѣ Запольскомъ, какъ о правдивомъ, честномъ и отлично знавшемъ свое дѣло человѣкѣ, г. Заборинскій считаетъ, что это было будто бы опрометчивостію съ его стороны поручать мнѣ распоряжаться открыто, и думаетъ, что это и было причиною дѣйствій Муравьева и противъ меня, и противъ Запольскаго. Но неужели г. Заборинскій можетъ не знать, что Запольскій дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи не только по словесному, но даже по писменному наставленію самого главнаго начальника, которое Запольскій читалъ всѣмъ, и безъ котораго Муравьевъ постарался бы повредить Запольскому еще болѣе, чѣмъ повредилъ? Неужели г. Заборинскій не знаетъ также, что и самъ Муравьевъ, когда считалъ меня необходимымъ для себя, то не только допускалъ открытыя мои распоряженія, но еще самъ же просилъ меня о принятіи ихъ мною на себя, самъ подчинялся имъ и формально требовалъ, чтобъ и всѣ имъ подчинялись, какъ и подчинялся нисколько независѣвшій отъ Запольскаго, самый близкій Муравьеву человѣкъ, Корсаковъ, не только тогда, когда губернаторомъ былъ Запольскій, но даже и тогда, когда уже и самъ былъ губернаторомъ.

Мы постараемся, когда будемъ имѣть досугъ и возможность, отвѣтить въ свое время на всѣ доводы г. Заборинскаго въ извиненіе Муравьева; здѣсь же не можемъ не высказать глубокаго сожалѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ у насъ даже тѣхъ издавій, которыя спеціально посвящаютъ себя на разъясненіе историческихъ вопросовъ и сообщеніе историческихъ документовъ, и которыя обнаруживаютъ очевидный недостатокъ критики въ оцѣнкѣ историческихъ рассказовъ и крайнюю неразборчивость въ помѣщеніи мнимо-историческихъ документовъ, чему разительный примѣръ показала уже и прежде та же „Русская Старина“, въ которой напечатана нынѣ статья г. Заборинскаго*). Опровергнуть всѣ нелѣпости подобной статьи было, конечно, не мудрено, что и было сдѣлано въ № 204 „Моск. Вѣд.“ за 1882 г.; но прискорбно быть вынуждаемымъ тратить и время, и трудъ на доказательство снова того, что было уже вполнѣ доказано, и тратить потому только, что вздумается кому-либо для личной цѣли написать чистый вздоръ. Такъ, издатель „Русской Старины“, сказавъ въ № 12 журнала за 1881 годъ, что „Д. И. Завалишинъ, о необык-

новенныхъ способностяхъ котораго, обширномъ образованіи и трудолюбіи такъ много встрѣчается извѣстій въ запискахъ декабристовъ“, и что въ статьѣ моей по Амурскому дѣлу „многія предвидѣнія и указанія оправдались, и полное безкорыстія и самоотверженія служеніе дѣйствительнымъ интересамъ Россіи было оцѣнено многими почтенными изъ разныхъ сферъ русскаго общества людьми“,—вслѣдъ за тѣмъ печатаетъ статьи безвѣстнаго какого-то лица, явно ничего несмыслящаго въ дѣлахъ, о которыхъ говорить, въ томъ числѣ ни къ селу, ни къ городу и объ Амурскомъ дѣлѣ, съ отъявленной личною цѣлю. А между тѣмъ, вредъ, производимый такимъ дѣйствіемъ, не ограничивается однимъ искаженіемъ исторической правды, но, при затемненіи дѣла снова, повторяются и причины, и послѣдствія зла, а надежда,—что при подслуживаніи и личныхъ цѣляхъ кого-нибудь, и при неразборчивости какого-нибудь издателя печатать все, что попадетъ подъ-руку (я не говорю уже о личной какой-либо цѣли), можно всегда затемнить какія хочешь злоупотребленія,—возбуждаетъ и подражателей имъ.

Д. Завалишинъ.

СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ.

(Очеркъ изъ туркестанской жизни).

„Къ намъ ѣдетъ ревизоръ!“ Эта стереотипная фраза Сквозника-Дмухановскаго произносилась на разные лады чиновными и нечиновными жителями уѣзднаго города К. Одни, произнося ее, злорадно улыбаются, другіе трепетали, третьи старались казаться спокойными.

— Сенаторъ? спрашивали одни.

— Нѣтъ, одинъ изъ его помощниковъ—не то надворный, не то статскій совѣтникъ Е.

Уѣздный начальникъ былъ видимо спокоенъ, но одинъ изъ его помощниковъ, маіоръ формации сороковыхъ годовъ, внутренно трепеталъ, чувствуя за собою немалые грѣшки: участь недавнихъ ташкентскихъ героевъ—всякихъ строителей и заправителей, теперь же тюремныхъ гостей—казалась неизбежной и для него. „А ну, какъ и меня туда же, къ нимъ?“ мысленно разсуждалъ маіоръ: „вѣдь всего годъ до полной пенсіи остался,—а тутъ ревизія!..“

К—ій первой гильдіи крезъ прислалъ въ свою контору телеграмму: „ѣдетъ ревизоръ; выставить лучшихъ лошадей и экипажи; принять, какъ слѣдуетъ; ни въ чемъ не отказывать; языкъ держать за зубами!“

Городъ сталъ чиститься, прихорашиваться. Городовые занялись метеньемъ улицъ, Богъ вѣсть, сколько времени не метенныхъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ мыли полы, очищали дѣла; чиновницы чинили виц-мундиры своихъ мужей. Случилось даже нѣчто необыкновенное: сами к—цы, ярже картежники, два вечера не играли въ карты и не пили водки! Одна чадолюбивая маіорша навела справки, холостъ или женатъ ревизоръ; засидѣвшаяся въ дѣвахъ учительница шила себѣ невообразимаго фасона платье, именуя его „парижскимъ“. Младшій учитель, наливавшійся до delirium tremens, глоталъ десятками сырыя яйца, чтобъ поправить голосъ; старшій учитель, не спавшій три ночи за картами и

*) Печатаемая настоящаго письма Д. И. Завалишина, какъ знатока амурскихъ дѣлъ, редакція „Вост. Обозр.“ не считаетъ нужнымъ раздѣлять нападокъ на редакцію „Русской Старины“ за выборъ историческаго матеріала.

Елисеѣвскимъ коньякомъ, совѣтовался съ докторомъ, какъ бы избавиться отъ отека лица.

Однимъ словомъ, все и вся приготовлялось къ встрѣчѣ ревизора, даже священникъ необыкновенно тщательно заплелъ свои волосы въ мелкія косички.

Въ различныхъ уголкахъ шли самые разнообразные толки и разговоры.

— Хорошо, еслибъ ревизоръ ночью пріѣхалъ, врасплохъ, да прямо бы къ нимъ въ управленіе: подать мнѣ такое-то дѣло! Глядь-поглядь, а дѣла-то и нѣтъ,—сожгли.

— Неужели сожгли?

— Честное слово, сожгли; да не только это дѣло, а еще и другихъ много. И знаете ли какъ? Только-что письмоводителя-жида отчислили въ распоряженіе самого, безъ содержанія, а онъ и давай дѣла жечь „вогъ какъ!“ Новый письмоводитель увидалъ:— что такое? спрашиваетъ у писарей; а они ему:—мы-де старыя ненужныя бумаги сжигаемъ,—такъ и сожгли. Новый-то принималъ, ничего и не замѣтилъ, да и гдѣ замѣтитъ: всѣхъ-то дѣлъ въ архивѣ 16,000,—когда ихъ провѣришь!

— Ну, теперь ихъ подтянуть!

— Подтянуть, подтянуть.

Наконецъ, трепетно ожидаемый ревизоръ пріѣхалъ; пріѣхалъ онъ одинъ съ переводчикомъ, въ простенькомъ тарантасѣ на почтовыхъ, отказавшись отъ крезовскихъ лошадей и экипажа. Остановился ревизоръ, сверхъ ожиданія многихъ особъ, чаявшихъ предложить ему свои апартаменты, въ единственной въ городѣ гостинницѣ, обильной клопами, обломками мебели и прочими атрибутами туркестанскихъ гостинницъ. Ревизоръ былъ, что называется, изъ новенькихъ, до сего времени служилъ въ таможенномъ вѣдомствѣ.

Представленіе чиновниковъ прошло благополучно. Началась ревизія.

Является ревизоръ въ одно управленіе.

— Ну, что, все у васъ, надѣюсь, благополучно?

— Такъ точно, ваше пр—ство!

— Дѣла всѣ цѣлы?

— Всѣ-съ.

— Покажите мнѣ дѣло № такой-то

Дѣло показываютъ.

— Покажите опись дѣла.

Показываютъ и опись.

— На страницѣ 110 отношеніе за № 3 есть?

Открываютъ страницу и показываютъ требуемое отношеніе.

— Суммы всѣ на лицо?

— Всѣ-съ!

Суммы всегда оказываются на лицо, такъ-какъ передъ ревизіями недостающая сумма занемается у какого нибудь кулака и переносится, при надобности, вслѣдъ за ревизоромъ, изъ одного управленія въ другое.

— Хорошо, спасибо! Вижу, что все у васъ исправно; только писаря малограмотны, а чиновники плохо знакомы съ употребленіемъ буквы ѣ,—въ общемъ же все хорошо!

Начальство сіяетъ, маіоръ Пареный въ восторгѣ.

Ревизія училища.

Входитъ ревизоръ. Ученики, подъ управленіемъ учителя, поютъ „гимнъ“ и затѣмъ какую-то киргизскую пѣсню.

Ревизоръ доволенъ.

— Надѣюсь, что все у васъ, господа, благополучно? обращается опъ къ учителямъ.

— Такъ точно-съ, ваше пр—ство!

— Покажите журналъ „входящихъ“ и „исходящихъ“, я его просмотрю дома, пришлите мнѣ.

Журналъ немедленно отсылается въ „номеръ“ ревизора.

Ревизія училища кончена.

Затѣмъ ревизуются судебная палата, почтовое вѣдомство— и вездѣ все оканчивается благополучно. Вся ревизія въ К—ѣ продолжалась 5 дней; ревизоръ жилъ тихо, скромно, въ карты не игралъ (что особенно удивило к—цевъ), въ гости не ходилъ и никого, кромѣ, какъ по службѣ, не принималъ, днемъ ревизовалъ присутственныя мѣста, а по вечерамъ просматривалъ кое-какія бумаги и журналы. Такое поведеніе ревизора пугало к—цевъ.

— Странно, говорили онѣ:— въ карты не играетъ, въ гости не ходитъ, къ себѣ не принимаетъ, при разговорѣ вѣжливъ. Нѣтъ, тутъ что-то неладно. Кончить ревизію, пройдетъ недѣля—вдругъ къ намъ бумага: „всѣхъ отчислить безъ содержанія въ мое распоряженіе!“ ...

При этомъ разсуждавшій чиновникъ невольно вздрагивалъ, и на лбу у него выступали капли холоднаго пота.

Ревизія окончилась благополучно; ревизоръ уѣхалъ. К—цы вздохнули свободно.

— Что это за ревизоръ! Таможенный чиновникъ— и только. Да что онъ смыслить въ нашихъ дѣлахъ?—ничего, говорилъ учитель.

— Ну, можетъ ли таможенный чиновникъ проревизовать, какъ слѣдуетъ, и почту, и уѣздное управленіе, и училище, и казначейство? захлебываясь, восклицалъ маіоръ Пареный.— Раньше-то какъ всѣхъ перепугали: кричатъ— сенаторская ревизія, сенаторская ревизія! Вотъ те и ревизія вся! Да я при такихъ-то ревизіяхъ, дастъ Богъ здоровья, еще сорокъ лѣтъ прослужу!

— А какъ же въ Ташкентѣ-то: сколько чиновниковъ подъ судъ улетѣло! оппонировалъ кто-то маіору.

— Да вѣдь въ Ташкентѣ-то ревизовалъ самъ; извѣстное дѣло, новая метла чисто мететь,— ну, и вымели кое-кого. Прямо говоря, если у насъ ревизію сдѣлать, какъ слѣдуетъ, (извѣстно, кто Богу не грѣшнъ, царю не виноватъ), такъ трехъ мѣсяцевъ мало для провѣрки всѣхъ дѣлъ. Видали мы ревизоровъ почище: войдетъ въ присутствіе, взглянетъ—такъ и поблѣднѣешь,—а что се-на-торская ре-ви-зія! Это только шелкоперы кричатъ: тамъ то назначена сенаторская ревизія.. надѣмся на оздоровленіе корней... обновленіе—и въ будущемъ цвѣтущее состояніе края.. Я и самъ сперва, по правдѣ сказать, трухнулъ маленько, а теперь—хоть сейчасъ десять ревизій выдержу! Не лучше ли, господа, теперь заложить банчикъ? Сто рублей въ банкѣ! Господа, берите, карты!

В. С.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ записной книжки туркестанскаго туриста).

Силетни, дразги, карты,

Карты и вино,

Кредиторы - сарты...

Вѣчно все одно!

Глупые доносы,

Пошленькая лесть,

Каждый день вопросы:

„Гдѣ-бъ вкуснѣй поѣсть?“

„Гдѣ бы въ банкъ сразиться?“

„Какъ бы обыграть?“

„Какъ бы подслужиться?“

„Какъ бы что урвать?“

Изгнаны журналы,

Не видать газетъ,

Каждый день скандалы—

И конца имъ нѣтъ!

В. С.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ послѣднее время, въ Испаніи проявляются то тутъ, то тамъ революціонныя вспышки, въ которыхъ принимаютъ участіе войска. Недовольство существующимъ порядкомъ, анархическая пропаганда общества „черной руки“, недостаточная заработная плата заводскихъ и сельскихъ рабочихъ— все это выразилось рядомъ возмущеній въ различныхъ провинціяхъ. Въ ночь на 5-е августа, въ Бадаюсѣ, инсургенты ворвались въ квартиры мѣстныхъ властей, военныхъ и гражданскихъ, и захватили ихъ. Во главѣ движенія были два полковника, маіоръ и два поручика. Мѣстный гарнизонъ передался на сторону инсургентовъ. Народъ брался съ ними, оглашая воздухъ криками: „Да здравствуетъ республика!“ Учредивъ республиканскій исполнительный комитетъ, инсургенты телеграфировали о своемъ успѣхѣ правительству въ Мадридѣ. Въ столицѣ тотчасъ же послѣдовало распоряженіе о прекращеніи возстанія. Генералъ Блонко двинулся съ цѣлю дивизіею противъ мятежниковъ. Инсургенты, узнавъ объ этомъ, сняли рельсы въ восьми верстахъ отъ Бадаюса, съ цѣлю замедлить прибытіе войскъ, и, завладѣвъ полковою кассою и суммою въ 345,000 фр., принадлежащею мѣстному провинціальному казначейству, скрылись въ Португалію. Одновременно съ движеніемъ въ Бадаюсѣ произошло возстаніе въ Барселонѣ. Народъ и мѣстный гарнизонъ вмѣстѣ съ инсургентами провозгласили республику. Фабрики тамъ закрыты, присутственныя мѣста также. Прибыло войско, провинція объявлена въ осадномъ положеніи. Инсургенты направились къ Валле и Бруху,—ихъ преслѣдуютъ два полка. Вслѣдъ за этимъ усмирено возстаніе и объявлено военное положеніе въ Каталоніи и Сеуде-Ургелѣ. 9-го августа вспыхнулъ мятежъ, съ участіемъ солдатъ, въ Гаро, въ Нагерѣ и въ Санъ-Доминго. Въ послѣднемъ городѣ инсургенты разстрѣляли своего предводителя, заподозривъ его въ измѣнѣ. При приближеніи войска, мятежники вмѣстѣ съ гарнизономъ ушли въ горы. Офицеры нумансійскаго полка отправились за ними въ погоню и, настигнувъ, уговорили солдатъ возвратиться. Все это произвело серьезное впечатлѣніе на правительство. 11 августа происходилъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ короля, а 12-го числа королевская чета выѣхала въ Сантъ-Ильдефонсо. Король подписалъ декретъ, которымъ по всей

Испаніи отмѣняются конституціонныя гарантіи и министерству предоставляется право объявлять осадное положеніе вездѣ, гдѣ того потребуютъ обстоятельства. Мѣра эта, по всей вѣроятности, подольетъ масла въ огонь. Нужно не забывать, что одно общество „черной руки“ насчитываетъ до 50,000 членовъ, а недовольный народъ представляетъ плотную массу, готовую по первому призыву возстать поголовно. Старые монархическіе корни подточены; испанскіе Бурбоны сумѣли вооружить противъ себя населеніе. Король Альфонсъ XII, несмотря на десятилѣтнее царствованіе, не могъ расположить къ себѣ подданныхъ. Революціонная печать способствуетъ успѣху анархической пропаганды.

— Свиданіе императоровъ австрійскаго и германскаго, по слухамъ, вызвано было отчасти и вопросомъ о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ австрійскимъ владѣніямъ; кромѣ того, императоръ Вильгельмъ будто бы высказалъ удивленіе австрійской внутренней политикѣ, допустившей возвышеніе славянской народности, при выборахъ, въ ущербъ нѣмецкому элементу. Во многихъ мѣстностяхъ въ Австріи произошли сильныя народныя демонстраціи. Въ Пресбургѣ демонстрація была направлена противъ евреевъ. Народъ собрался на площади въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ и кричалъ: „Да здравствуетъ Истоци!“ (извѣстный венгерскій антисемитическій депутатъ). Толпа направилась къ еврейскому переулку, гдѣ, однако же, встрѣтила войско; произошла схватка. Тогда съ горы Шлосбергъ раздали пять пушечныхъ выстрѣловъ и была двинута кавалерія. Выстрѣлы вызвали крестьянъ изъ окрестныхъ деревень,—выступилъ весь гарнизонъ. Схватки происходили въ разныхъ частяхъ города. Арестованныхъ масса, число убитыхъ и раненыхъ неизвѣстно. 2-го іюля безпорядки происходили въ Пештѣ, арестовано 32 человекъ. 29-го іюля, въ Вѣнѣ, толпа рабочихъ собралась передъ зданіемъ полиціи, съ цѣлю произвести демонстрацію по поводу конфискаціи одного листка для рабочихъ. Полиція пустила въ ходъ холодное оружіе. Ранено 11 рабочихъ, убито 2, арестовано 38 человекъ. Президентъ полиціи и начальникъ полицейской команды были встрѣчены градомъ камней. Ранены четыре полицейскихъ; выступившія войска прекратили безпорядокъ.

— Германія праздновала четырехсотлѣтній юбилей Лютера. Въ Эрфуртѣ, 27-го іюля, празднованіе началось богослуженіемъ, послѣ чего послѣдовало торжественное историческое шествіе, въ видѣ церемоніальной процессіи, въ память того момента, когда городъ Эрфуртъ сопровождалъ реформатора, отправлявшагося на имперскій сеймъ, въ Вормсѣ. Изъ Берлина сообщаютъ, что Крашевскій, внесшій 30,000 марокъ залога, освобожденъ изъ заключенія, но оставленъ подъ постояннымъ надзоромъ полиціи.

— Всѣхъ жертвъ катастрофы на островѣ Искіи насчитываютъ до 8,000 человекъ. Сумма пожертвованій для пособія пострадавшимъ достигаетъ полутора милліона лиръ. Викторъ Гюго и многія отдѣльныя личности французской націи внесли значительныя вклады.

— Въ Ливерпулѣ окончился политическій процессъ по поводу приготовленія и доставки, для преступныхъ цѣлей, динамита. Обвиненные ирландцы Дизи, Фезерстонъ, Терлиги, Фланагонъ и Дальтонъ приговорены къ пожизненной каторжной работѣ. Начался судъ надъ убійцею Кери, О'Доннелемъ. Подсудимый признаетъ себя виновнымъ и заявилъ, что фактъ совершенъ имъ по порученію феніанской партіи. Онъ искренно вѣритъ въ правоту своего поступка. Смерть Кери праздновалась въ Дублинѣ шумною демонстраціею съ плясками и пѣніемъ. Полиція не вмѣшивалась, и торжество окончилось благополучно.

— Во Франціи, по внутреннимъ дѣламъ, наступило затишь. Палата депутатовъ и сенатъ закончили свою сессію. Въ Тонкивѣ умеръ король Ту-Дунъ, и французы надѣются, что при преемникѣ его имъ легче будетъ утвердить свой протекторатъ надъ страной. Адмиралъ Мейеръ предпринялъ демонстрацію съ тремя броненосцами въ сторону Кантона, а командующій французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ об-

народоваль прокламацію, которая гласитъ, что французы не помышляютъ о завоеваніи Тонкина и явились только съ цѣлю водворить порядокъ и защитить народъ отъ произвола мандариновъ. Съ острова Мадагаскара получено извѣстіе, что адмиралъ Пьеръ подалъ въ отставку. Это, по всей вѣроятности, будетъ служить удовлетвореніемъ англійскаго самолюбія. Кромѣ того, слышно о намѣреніи выйти въ отставку морского министра Брена. Здоровье графа Шамбора не улучшается. Фердинандъ Лессепсъ занятъ проектомъ превращенія Сахары во внутреннее море. По его расчету, прорытіе канала отъ берега до шюта Рарья (пониженія почвы) обойдется менѣе двухъ милліоновъ франковъ. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы расположить министерство въ пользу своего плана.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— „Недѣля“ не вѣритъ, что казна не будетъ участвовать въ расходахъ на высшіе женскіе медицинскіе курсы. „Какъ хотите, говоритъ газета, это извѣстіе представляется просто нелѣпостью: если бы правительство не желало принять никакого участія въ содержаніи предполагаемаго института, то съ какой стати министерство народнаго просвѣщенія стало бы такъ хлопотать о правилахъ и программахъ для этого учебнаго заведенія? Въ такомъ случаѣ, гораздо проще и естественнѣе было бы—какъ и предполагалось вначалѣ—просто покончить съ курсами. Напротивъ, изъ того, что министерство такъ ревностно занялось проектомъ преобразованія, повидимому, ясно слѣдуетъ, что оно же и приметъ созданный имъ институтъ ученыхъ акушерокъ въ свое завѣдываніе, наравнѣ съ прочими учебными заведеніями, и внесетъ въ свой бюджетъ новую расходную статью на содержаніе этого института. Что касается до пожертвованій, то за ними, надо надѣяться, дѣло не станетъ,—лишь бы только практика новаго института убѣдила общество въ томъ, что дѣятельность „ученыхъ акушерокъ“ будетъ настолько же полезна и плодотворна, какъ и дѣятельность жепцинь-врачей.“

— Въ „Русскій Курьеръ“ пишутъ:—Въ видахъ открытія въ текущемъ 1883 году перваго курса въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, съ допущеніемъ на него 300 человекъ ежегодно (100 человекъ казеннокоштныхъ стипендіатовъ и 200 человекъ своекоштныхъ съ платою по 50-ти рублей въ годъ), военное министерство выработало въ настоящее время на этотъ счетъ слѣдующія правила по надзору за студентами для инспекціи академіи: 1) всѣ студенты, поступившіе въ текущемъ году въ военно-медико-хирургическую академію, обязуются посѣщать свои аудиторіи аккуратно, каждый день, не пропуская ни одной лекціи безъ особенно уважительныхъ на то причинъ, на примѣръ: а) болѣзни, б) необходимости отлучки за городъ и проч.; 2) для этого порядка по контролю за студентами устанавливается слѣдующій порядокъ: а) при входѣ въ академію всѣ студенты приглашаются записывать свою фамилію въ особо-установленную на этотъ счетъ книгу, б) неросписавшійся въ данный день студентъ въ этой книгѣ обязуется своевременно увѣдомлять инспекцію академіи о той причинѣ, по которой онъ не могъ быть въ такой-то день на лекціи, и пр. Студенты приглашаются соблюдать всѣ постановленія безирекословно, въ противномъ случаѣ подлежать исключенію изъ академіи, безъ права поступить въ нее когда бы то ни было.

— „Kurjer Warszawski“ сообщаетъ, что въ русскихъ университетахъ имѣетъ войти въ силу предписаніе, по которому студенты на лекціяхъ должны находиться въ мундирахъ. Въ варшавскомъ университетѣ это будетъ требоваться съ 1-го сентября, а въ остальныхъ съ 1-го января.

— „Кіевлянинъ“ передаетъ, что на 8-е августа въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ назначено къ слушанію дѣло

по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ слѣдующихъ лицъ: дворянина Владиміра Александрова Мещерскаго, 31 года, мѣщанина Василия Саввина Пироженко, 50 лѣтъ, сына инженеръ-технолога Александра Иванова Бычкова, 19 лѣтъ, дворянина Ангела Иванова Богдановича, 22 лѣтъ, оставшаго губернскаго секретаря Ивана Михайлова Саранчова, 26 лѣтъ, сына губернскаго секретаря Василия Елисеѣва Горинича, 23 лѣтъ, и рядового 126 пѣхотнаго рыльскаго полка Исаака Яковлева Левинскаго, 24 лѣтъ. Дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ; обвиненіе поддерживаетъ военный прокуроръ г. Галицынскій; защищаютъ: Мещерскаго и Саранчова—присяжный повѣренный Гольденвейзеръ, Пироженка—присяжный повѣренный Линдфорсъ, Бычкова и Богдановича—присяжный повѣренный Пенскій, и Левинскаго—присяжный повѣренный Тальбергъ.

— „Русск. Курьеру“ сообщаютъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ назначило особое лицо для разслѣдованія еврейскихъ безпорядковъ въ Екатеринославѣ.

— Изъ Екатеринослава телеграфируютъ: изъ участниковъ въ бывшихъ безпорядкахъ, 16 человекъ, сопротивлявшихся войскамъ, переданы слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ.

— „Новое Время“ сообщаетъ, что общій итогъ всѣхъ сдѣланныхъ по коронаціи въ Москвѣ расходовъ придворнаго вѣдомства не превышаетъ суммы въ 6.500,000 рублей.

— „Кавказъ“ извѣщаетъ:—17 іюля, въ Каджарахъ на Кавказѣ, депутація отъ тифлисской городской думы вручила графу М. Т. Лорисъ-Меликову дипломъ на званіе почетнаго гражданина города Тифлиса. Въ рѣчи своей графъ между прочимъ выразился: „Поощреніе посильныхъ заслугъ дѣятеля, исходящее отъ общественныхъ учрежденій, не можетъ не ободрять его, и вотъ почему мнѣ дорого сегодняшнее ваше заявленіе, память о которомъ я сохранию навсегда и передамъ въ завѣтъ моимъ дѣтямъ“.

— Въ „Новостяхъ“ напечатано:—Николай Михайловичъ Пржевальскій на-дняхъ отправляется въ новое ученое путешествіе по азійскимъ степямъ. Полковникъ Пржевальскій ѣдетъ изъ Петербурга въ Кяхту, куда рассчитываетъ прибыть около 10-го сентября, и въ концѣ названнаго мѣсяца перейдетъ границу Монголіи. Изъ Петербурга съ нимъ отправляются: подпоручикъ Роборовскій (участвовавшій въ предъидущей экспедиціи полковника Пржевальскаго), и вольноопредѣляющійся Козловъ. Новая экспедиція полковника Пржевальскаго продолжится около двухъ лѣтъ.

— „Новости“ пишутъ:—До сихъ поръ, въ иностранныхъ портахъ Тихаго океана русскими консулами, въ большинствѣ случаевъ, назначались лица не русскаго происхожденія—изъ числа мѣстныхъ коммерсантовъ, гражданъ и т. п. Въ настоящее же время, какъ мы слышали, возбужденъ вопросъ о назначеніи въ порты Тихаго океана консуловъ только изъ лицъ чисто-русскаго происхожденія.

— По словамъ „Новаго Времени“, генераль-губернаторъ степного генераль-губернаторства, генераль-лейтенантъ Колпановскій, представляетъ на-дняхъ проектъ о введеніи новыхъ судовъ въ вѣренномъ ему краѣ.

— Та же газета сообщаетъ, что высочайшимъ приказомъ, отъ 30-го іюля, назначенъ военный губернаторъ Тургайской области и командующій въ оной войсками, числящійся по полевой конной артиллеріи, генераль-маіоръ Константиновичъ—бессарабскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ по полевой конной артиллеріи.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка. Книга первая, 1700—1713 г. Сиб. 1882 г. ч. 2 р. 50 к. Письменные акты, въ которыхъ наша свое выраженіе жизни русскаго народа со стороны государственной и юридической, представляютъ для историка матеріалъ первой важности. Такъ, изъ государственныхъ актовъ прошлаго времени во многихъ случаяхъ можно извлечь вѣрныя хронологическія данныя, такъ какъ такіе акты составляются всегда по опредѣленной формѣ, съ точнымъ обозначеніемъ даты. Правда, можетъ случиться, что извѣстія какой-нибудь царской грамоты, указа, дипломатическаго документа тенденціозны; но и въ этомъ случаѣ акты представляютъ хорошій источникъ для характеристики правительства и даже общества. Затѣмъ, какъ государственные, такъ и юридическіе памятники даютъ много свѣдѣній о жизни бытовой. Въ этомъ отношеніи, въ особенности важны акты юридическіе: напримѣръ, разныя просьбы отъ отдѣльныхъ лицъ, отъ цѣлыхъ сословій, городовъ, слободъ, деревень; даже если допустить, что эти просьбы не совсемъ вѣрны, онѣ все-таки даютъ знать, къ чему стремится народъ въ извѣстную эпоху. Договоры, опредѣляющіе отношенія между частными лицами, разныя судебныя дѣла, законы—все это даетъ историку ключъ къ разгадкѣ внутренней жизни общества прошлаго времени, т. е. даетъ историку возможность судить о степени образованія общества, о строѣ общественномъ и о прочемъ. Принимая во вниманіе все значеніе актовъ, какъ историческихъ источниковъ, мы поэтому должны съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣтить изданіе «Памятниковъ Сибирской исторіи XVIII вѣка». Для такой, мало объясненной и мало разработанной исторіи, какъ исторія Сибири, обнародованіе актовъ есть дѣло первой важности. Напечатанные до сихъ поръ матеріалы для Сибирской исторіи относятся къ концу XVI в. и къ XVII вѣку. Главнымъ образомъ они находятся въ сборникахъ актовъ археографической комиссіи и въ «Описаніи Сибирскаго царства» исторіографа Миллера. Недавно (1882 г.) изданы «Путешествіе чрезъ Сибирь до границъ Китая русскаго посланника Николая Спаарія», относящееся къ XVII вѣку, и «Чертежная книга Сибири, составленная Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году». Въ «Памятникахъ Сибирской исторіи» въ первый разъ появились въ большомъ числѣ (123 №№) сибирскіе акты исключительно XVIII вѣка, обнимающіе время отъ 1700 по 1713 годъ. Эти акты представляютъ разнообразный матеріалъ для исторіи русской жизни въ Сибири.

Одни изъ памятниковъ рисуютъ намъ непріязненные отношенія между русскими людьми и туземцами Сибири (50 №№). Въ этомъ числѣ есть немного актовъ о такихъ же отношеніяхъ между русскими и народами, обитавшими въ сосѣдствѣ съ Сибирью. Изъ документовъ о столкновеніяхъ русскихъ съ инородцами можно живо представить себѣ то лихорадочное стремленіе къ наживѣ и власти, которымъ были одержимы русскіе промышленные, охочіе и служилые люди въ періодъ завоеванія Сибири. Хотя эти люди, отправляясь въ походъ для отысканія новыхъ земель и для обложенія инородцевъ государственнымъ ясакомъ (податью), выставляли на видъ интересы государственные, однако, на самомъ дѣлѣ они видѣли прежде всего выгоды собственнаго обогащенія и власти надъ дикими и бесильными инородцами, не обладавшими такими средствами обороны, какъ огненный бой, которымъ располагали русскіе. Это безостановочное стремленіе русскихъ людей въ новыя земли, принося въ извѣстной степени несомнѣнную пользу, въ то же время, однако, деморализировало самихъ завоевателей. Такъ, акты, относящіеся до исторіи завоеванія Камчатки, представляютъ намъ, рядомъ съ замѣчательными подвигами служилыхъ людей, какъ походъ на Курильскіе острова, также раздоры этихъ людей, вмѣвшіе результатомъ убійства прикащиковъ камчадалскихъ остроговъ. Акты о столкновеніяхъ русскихъ съ инородцами Сибири говорятъ и о другомъ способѣ завоеванія Сибири русскими. Мы разумѣемъ стремленіе русскихъ людей сдѣлаться осѣдлыми въ Сибири и заняться земледѣліемъ. Русскіе, оставивъ походы на сѣверъ и востокъ Сибири, направились на югъ, къ верховьямъ большихъ сибирскихъ рѣкъ, и стали заводить пашни. Судя по актамъ, слободы начали основываться одна за другой. Но русскимъ земледѣльцамъ въ Сибири, въ особенности на ея окраинахъ, пришлось вести тяжелую борьбу съ разными инород-

цами — съ киргизами, башкирами, калмыками и др. Кочевники сознательно старались не дать основаться осѣдой русской жизни въ Сибири. Изъ актовъ видно, что инородцы, съ этою цѣлью, нападали на слободы преимущественно въ лѣтнее и осеннее время—жгли деревни, угоняли скотъ, брали крестьянъ въ плѣнъ, хлѣбъ на корню топтали конями, а собранный въ скирды сожигали. Не довольствуясь такимъ разбоемъ, инородцы (напр., киргизы) иногда подвергали русскихъ крестьянъ жестокимъ мученіямъ. Такъ, разъ «одного человѣка поймавъ, живьемъ, и ногами вверхъ привезали на дерево и распоролы у него грудь и ругались всячески» (№ 13, стр. 70). По другому извѣстію, киргизы крестьянамъ «носы и уши рѣзали» (№ 21, стр. 96). При такихъ условіяхъ, русскимъ крестьянамъ приходилось быть въ одно и то же время земледѣльцами и воинами. Правда, русское правительство старалось обезопасить слободы отъ нападений инородцевъ, но это было трудно. Инородцы, заявляя воеводамъ свое желаніе жить въ мирѣ съ русскими, въ то же время небольшими толпами, иногда, впрочемъ, доходившими до нѣсколькихъ тысячъ, внезапно нападали на русскія деревни. Крестьяне, терпѣвшіе отъ инородцевъ, иногда сами, безъ содѣйствія правительства, составляли отряды и совершали походы въ мѣста инородческихъ кочевьевъ, особенно въ зимнее время.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

1-го августа вышла и разслана подписчикамъ VIII-я, АВГУСТОВСКАЯ, КНИГА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА: „РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г. — II. Василій Андреевичъ Жуковскій. — III. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. — Дневникъ Вильгельма Карловича Нюхельбекера: 1834 г. — V. М. Ю. Лермонтовъ въ переводахъ французскихъ писателей. (Окончаніе). — VI. Александръ Николаевичъ Стровъ въ воспоминаніяхъ стараго правовѣда, сообщ. М. М. Молчановъ. — VII. Воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордъ, вдовы адмирала П. Ив. Рикордъ. — VIII. Владиміръ Ивановичъ Назимовъ: письма къ нему цесаревича, впослѣдствіи императора Александра Николаевича. — IX. Воспоминанія О. А. Пржевальскаго. — X. Императоръ Николай Павловичъ. — XI. Маскарадъ въ С.-Петербургѣ въ 1841 г. XII. Архіерейскій пѣвческій хоръ при Архіепископѣ Смарагдѣ, воспоминавія бывшаго дисканта-солиста. — XIII. Историческіе матеріалы: Справка 1728 г. о личности убійцы царевича Димитрія. — Замѣчательный помѣщикъ временъ Петра I, и проч. — XIV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе. Портретъ Марьи Андреевны Протасовой, въ замужествѣ Мойеръ † 1823 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“

изд. 1883 года.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Имѣется еще и можно получить: „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года. (Осталось 77 экзмп.).

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Продаются книги: I. «ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ», съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, цѣна два руб. съ пересылкою.

II. «Записки Сельскаго Священника», изданіе исправленное. Цѣна одинъ руб.

Въ редакціи «Русской Старины» можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 г. Цѣна за годъ по ВОСЬМИ руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семеновскій.